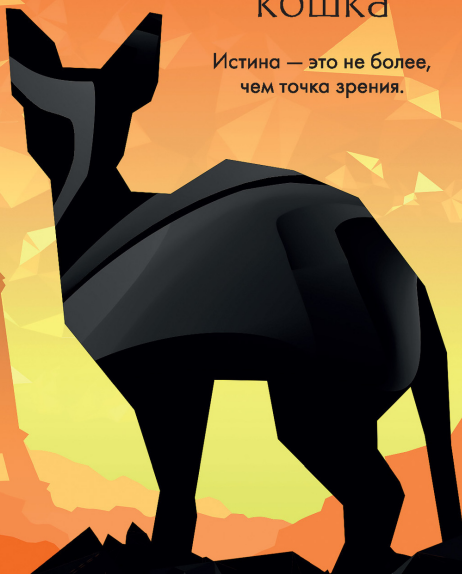

БЕРНОР ВЕРБОР

ее величество
КОШКА

Истина — это не более,
чем точка зрения.

Бернар Вербер
Ее величество кошка
Серия «Бесконечная
Вселенная Бернара Вербера»
Серия «Кошки», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57367941

Б. Вербер. Ее величество кошка: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва;

2020

ISBN 978-5-04-113544-7

Аннотация

Что было бы, начини кошки править цивилизацией? И о чем на самом деле грезят эти пушистые домашние тираны? Кошка Бастет всерьез полагает, что время людей закончилось и пришло время взять ответственность за судьбы мира в свои лапы. Она полна решимости перевернуть существующий порядок, и у нее для этого есть возможность. Единственная преграда на ее пути – кот Пифагор. Он единственный из кошачьих, с кем могут общаться люди благодаря уникальному usb-разъему у него на лбу. Пифагор говорит, что управлять миром и людьми Бастет сможет, когда освоит три вещи – юмор, любовь и искусство. Получится ли у Бастет основать кошачью цивилизацию и, наконец, узаконить

порядок, при котором люди служат кошкам, не питая иллюзий относительно своей мнимой власти?

Содержание

Акт I. Прекрасная утопия	8
1. Чтение	8
2. История человеческой письменности	10
3. Кто я?	12
4. История кошек и людей (часть первая)	29
5. С острова на остров	32
6. История кошек и людей (часть вторая)	40
7. Остров всех надежд	43
8. Остров Сите	51
9. Жизнь на острове Сите	53
10. Различия между кошками и людьми	60
11. Похмелье	62
12. Тамерлан (часть первая)	71
13. Спокойные дни в Раю	75
14. Тамерлан (часть вторая)	84
15. Крушение иллюзий	86
16. Осада Алезии	96
17. Оригинальное решение	99
18. История монгольфьеров	110
19. Взлет	113
20. Почему кошки всегда приземляются на лапы?	126
21. В мире ветвей	128

Бернар Вербер

Ее величество кошка

Bernard Werber

Sa majeste des chats

© Editions Albin Michel et Bernard Werber – Paris 2019

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство
«Эксмо», 2020

* * *

Ванессе Битон, соседке по этажу, всегда забирающей мою кошку Домино, когда я уезжаю. Я признателен ей за терпение, с которым она переносит царапанье, обжорство, нервные срывы и болезненный эгоизм этой обожаемой принцессы.

*Оценивая людей, как и всех остальных, никогда не следует обобщать – их так много, что все сразу не могут быть безнадежными, обязательно отыщется хотя бы несколько славных малых.
Мать кошки Бастет*

Всякого, кто прячет свой анус, будет разумно и обоснованно подозревать в желании скрыть свои

истинные чувства.

Кот Пифагор

Истина – это не более чем точка зрения.

Кошка Бастет

Акт I. Прекрасная утопия

1. Чтение

Как же мне хочется уметь читать.

Грамотность – сильно недостающее мне сейчас в жизни качество. Ужасно хочется расшифровать все эти значки, выстраивающиеся на страницах в слова. Сплю и вижу, чтобы понять хотя бы один из длинных текстов, представляющих собой всевозможные истории.

Похоже, в голове у некоторых при простом переворачивании страниц чудесным образом возникают персонажи, обстановка, какие-то места, они даже слышат звуки, голоса, музыку. Настоящее волшебство.

А потом, научившись как следует читать, я – добавим немного безумства, почему бы нет? – тоже стала бы... писать!

Нет, кроме шуток, я уверена, что когда-нибудь окажусь на это способна. Но сейчас я еще далека от достижения двух этих целей, поэтому предпочитаю сохранять благоразумие и довольствоваться имеющимися возможностями, пускай они, согласна с вами, еще весьма ограничены. А потому, не умея записать свои невероятные приключения, я их вам всего лишь промяукаю, раз уж вы сейчас сидите передо мной. Та-

ким образом вы станете моими слушателями, а не читателями.

Так что наводстрите уши, напрягите усики-вибриссы, чтобы сделать их более чуткими, образуйте тесный кружок «посвященных». Ведь потом вам придется самим рассказывать эту историю остальным, а также вашим котяткам, чтобы она никогда не забылась. Тогда и вы станете «кошками-рассказчицами». И когда-нибудь в будущем один из вас, тот, у кого лучше память и кто научится, наконец, писать, превратит эту историю – почему нет? – в настоящую книгу.

Первым делом запомните вот что:

ВСЕ, ЧТО НЕ РАССКАЗАНО, ЗАБЫВАЕТСЯ.

А все, что забылось, как будто никогда и не существовало. Рассказать историю – значит сделать ее бессмертной.

Я осознала это, когда получила, наконец, доступ к пониманию мира людей и, главное, к необыкновенной ЭО-АЗ, «Энциклопедии относительного и абсолютного знания» Уэллса.

2. История человеческой письменности

Самый древний имеющийся у нас образчик творчества человека был создан примерно 18 000 лет назад. В пещере Ласко нашли настенные рисунки типа комиксов со сценами охоты и военных действий. Чернилами древним рисовальщикам служила кровь или уголь, их смешивали с цветочной пылью или с экскрементами, а холстами – стены пещер. Вероятно, такой рассказ о приключениях и героизме предков, а также желание сохранить их в памяти способствовали объединению племени.

Зачатки символов, которые относятся к периоду VI тысячелетия до нашей эры, найдены в Китае. Здесь изображены уже не фигурки, а пиктограммы, каждая из которых обозначает целое слово: например, лошадь изображена как схематичное животное.

В 3100 году до нашей эры шумеры стали соединять две пиктограммы, получая идеограммы и выражая таким способом более абстрактные понятия, иначе говоря, не просто запечатлевая животных или какие-то места, а формулируя мысли.

За 3000 лет до нашей эры, параллельно с тем, что происходило в Шумере, рождаются египетские иероглифы, тоже представляющие собой сочетания рисунков и слогов. Из

нескольких слогов получалось слово.

За 2500 лет до нашей эры в том же Шумере появляется клинопись. Это уже не рисунки, а сочетания черточек, наносимые кончиком тростникового стебля на таблички из глины.

Первый современный алфавит изобрели в Израиле за 2000 лет до нашей эры. Он состоит из 24 букв, первая из которых – «алеф» в виде опрокинутой бычьей головы (бык был в те времена главным источником энергии), вдохновившая потом греков на «альфу», давшую впоследствии латинскую букву «А». Следующая буква – «бет», символизирующая дом с крышей и давшая латинскую «В», третья – «гимел» в форме шеи верблюда.

*Энциклопедия относительного и абсолютного знания.
Т. XII, ЭОАЗК (ЭОАЗ кошек). Переложено Пифагором по
прежней ЭОАЗ профессора Уэллса*

3. Кто я?

Прежде чем перейти к подробному изложению удивительных событий, происходивших вплоть до сегодняшнего дня, я должна объяснить, кто я на самом деле.

Начну с внешности: на вид я – кошка-трехлетка с длинной белой шерстью, гармонично украшенной черными пятнышками, одно из которых, в форме перевернутого сердечка, красуется у меня на морде. Глаза у меня изумрудно-зеленые.

Теперь о моей личности. Сначала упомяну свои недостатки. Да-да, знаю, это вас удивит, но они у меня имеются. С какого начать? Я перфекционистка – совершенно не переношу заурядность в чем бы то ни было. Кроме того, я маниакальная чистюля: могу часами себя вылизывать, обрабатывая одну-единственную свою шерстинку, не выношу грязнень, простая неопрятность мне тоже совсем не по нраву.

Что еще? Некоторые считают меня слегка высокомерной. Признаться, я гнушаюсь любым уродством, любой вульгарностью. Порой мое природное изящество вызывает у других зависть, отчего я могу быть суховата с чересчур настойчивыми ухажерами и с ревнивыми конкурентками. Еще я бываю диковатой. С меня станется царапнуть первым когтем правой лапы (самым острым) того, кто не проявит ко мне должного уважения.

Какой еще у меня недостаток? Ах да, гурманство. Мне нравится проглотить одним махом, вместе с лапами, клювом и перышками – уж такая я прожорливая – еще живого воробышка. Бывает, он трепыхается у меня в горле, пытаюсь выпрыгнуть наружу.

Порой я жестока. Играю с мышкой – вспарываю брюшко, вытягиваю кишки и наматываю себе на лапу, хотя есть не собираюсь. Не увлекайтесь такой игрой, уверена, вы тоже позволите себе нечто подобное хотя бы в нежной юности.

Но, конечно, эти мои небольшие недостатки компенсируются другими свойствами, определяющими меня по-настоящему.

Тех же самых мышек, пусть и слегка потрепанных, я готова приносить в дар еще упоительно тепленькими, трепещущими, ничего не ожидая взамен.

Еще я – сама стремительность. Могу ловить на лету мух (попробуйте сами, вы убедитесь, что без тренировки у вас вряд ли получится).

Я гибкая: могу заложить лапу за ухо, чтобы вылизать себе задний проход.

Что еще интересного рассказать о себе?

Моя сексуальность не знает удержу. Я могу заниматься любовью ночь напролет с немалым числом сменяющих один другого партнеров и ничуть не утомляться. При этом я ору во всю мощь голосовых связок: пускай все окрестные коты и кошки знают, что я удовлетворена, и еще пуще завидуют.

Не люблю сексуальных партнеров, кусающихся в процессе или лижущих мне уши, особенно внутри. (Какой ужас – чужой язык в моем слуховом канале! К тому же при этом получается гулкий, как в пещере, звук – невыносимо.)

Дождь не люблю. Терпеть не могу мокнуть. Вообще настороженно отношусь к воде (у меня осталось ужасное воспоминание ранней юности об окунании в раковину, откуда я выскочила вся мокрая и липкая).

Я не люблю, когда мне указывают, как поступать. Я – сама независимость. Между прочим, никому не удалось меня приручить. «Ни хозяина, ни супруга!» – вот самый подходящий для меня девиз, вдохновленный наставлениями моей матери: «Ни ошейника, ни поводка». (Разве что, при необходимости, ошейник от блох: ненавижу этих тварей, забирающихся в шерсть и впивающихся в кожу. Они такие мелкие, что когтями их не подцепишь. Полагаю, вас одолевают те же заботы: у кого нет мелких проблем с паразитами, хоть с блохами, хоть с глистами?)

Когда мне кто-то не нравится, я мочусь на то место, где он спит. У меня такие стойкие феромоны, что от запаха потом трудно избавиться. Если этого оказывается мало, приходится помочиться прямо в его еду. Обычно это дает негоднику четкое представление о том, что я о нем думаю.

Да, я такая, но моя любовь к самой себе несомненна. В наше время слишком многие совершают глупости из пренебрежения к себе самим. Я же считаю, что любовь к себе за-

служивает внимания, вы согласны со мной? По-моему, самовлюбленность – это не эгоизм, а элементарнейшая разумность.

В общем, буду с вами честной: по-моему, я неподражаема.

Не будь я собой, очень хотела бы свести с собой знакомство. Будь я котом, влюбился бы в меня с первого взгляда. Что я особенно люблю, просто обожаю – так это мои последние приключения, превратившие меня из простой домашней кошки в одержимую завоевательницу и фантазерку. Благодаря им я чувствую в себе силы в одиночку изобрести новый мир.

Даже если я кошка. Существо женского пола.

Ах да, наверное, я забыла уточнить: я затеяла грандиозный проект. Его смысл можно передать одной фразой: «НАЛАДИТЬ КОНТАКТЫ МЕЖДУ ВСЕМИ ВИДАМИ».

К этому я еще вернусь. Первым делом надо изложить события в их естественной последовательности, приведшей к нынешнему положению вещей.

Сначала я была, как многие из вас, спокойной кошкой, жила себе в спокойной квартире, в спокойном мире. Шли дни, не принося никаких сюрпризов. Поутру я находила в своей кормушке сухой корм (больше всего люблю копченую курочку с прованскими травами), в миске – молоко (био, жирность 20 процентов), батареи поддерживали постоянную температуру воздуха, 21 градус Цельсия, у меня имелась когтеточка, красная бархатная подушечка и даже кошачья трав-

ка для 15-минутных приступов безумства.

Однажды ради моего развлечения ко мне подвели белого ангорского кота с желтыми глазами. Но бедняге оттяпали семенники (и поместили в колбу, где они и красуются), отчего он впал в меланхолию, перестал набирать вес и завел привычку глазеть попеременно на свои утраченные причиндалы и на телеэкран, отдавая предпочтение футбольным матчам.

Мою служанку звали (и до сих пор зовут) Натали. Наверное, я еще этого не уточнила, так вот: мне прислуживает человек. Знаете людей? Вы никак не могли избежать знакомства с ними. Люди – они... В общем, вы и сами знаете: это двуногие без шерсти, с клочком волос на голове.

У моей служанки зеленые глаза (как у меня, но потемнее), длинные черные блестящие волосы, которые она чаще всего стягивает красной лентой. Для человека она малорослая, ходит обычно в белой кофточке и в синих джинсах. Когти красит в красный цвет, губы – жирной помадой того же оттенка. Полагаю, выбор именно этого цвета связан с кровью. По человеческим критериям это, наверное, эстетично.

Возможно, вы удивитесь, но я не испытываю пренебрежения к нашей человеческой прислуге. Они, бедняжки, совсем не могут похвастаться своей внешностью. Если уж на то пошло, чем лучше я их узнаю, тем выше ценю.

Да, они не красавцы. Признаем откровенно: от них исходит специфический запах. Они лишены длинного хвоста, помогающего удерживать равновесие в движении, ничего не

видят ночью, не имеют ни самонаводящихся ушей, ни усов-вибрисс, определяющих объемы помещений, ни втягивающихся когтей. Почти все они боятся темноты. Когда они ходят на задних лапах, то чувствуется, как сильно им недостает гибкости и уверенности (надо сказать, у них жесткий позвоночник, слишком тонкий, чтобы выдерживать их вес, отчего большинство страдает болями в поясничной области, усугубляющимися с возрастом). Иногда мне их даже жаль.

Что до их интимной жизни... Ах, эта интимная жизнь людей... Я, равнодушная к данной теме, могу вам с уверенностью сказать, что интимная жизнь людей попросту смехотворна. У Натали мало сексуальных контактов, а когда они случаются, то, как правило, без размаха, всего с одним мужчиной за раз. Причем быстро, украдкой. При оргазме моя служанка Натали даже не кричит, а обходится писком, прямо как придавленная лапой мышь.

Если честно, я всегда считала, что если Натали хочет улучшить свою интимную жизнь, то ей следует перестать прятать свои отверстия. Тут секрета нет: лично я открыто демонстрирую свой зад, выделяющий мой природный запах. Это – одна из главных причин моего успеха у лучших красавцев котов. Недаром моя мамаша говаривала: «Чтобы привлечь пчел, изволь показать свой пестик».

Зато у людей есть другие достоинства, которых лишены мы. Не будем забывать, что они построили высокие прочные здания, внутри которых тепло, течет тут и там питьевая вода.

И потом, они снабжают нас пищей. За одно это они заслуживают нашего уважения. Среди впечатляющих меня людских атрибутов назову их конечности, заканчивающиеся пятью (именно пятью, а не четырьмя) гибкими пальцами. Пять пальцев, в том числе отдельно расположенный хватательный большой. Как бы мне хотелось тоже иметь такой! Этими своими руками они цепляют и даже сжимают многие предметы, которыми нам пользоваться не под силу. Взять хотя бы дверные ручки (ненавижу дверные ручки: из-за них мне случается оказаться запертой!).

Когда я жила на Монмартре – есть такой милый район в городе Париже, – моя служанка была совсем ручной: кормила меня, ласкала, когда мне хотелось, и главное – во всем проявляла послушание. В той квартире я была счастлива, по вечерам сбегала оттуда и лазила на крышу, где мне отдавали должное все окрестные коты.

После одной ночной вылазки я произвела на свет шестерых котят. Моя служанка попросила своего жениха заняться этим, и он утопил пятерых. Пожалел лишь одного, Ангело, наверное, за его рыжую, почти оранжевую шерсть, такая очень нравится людям (они называют его «мармеладный котик»). Признаться, после этого зверства меня обуревало желание отомстить людям за своих детей и всех их перегрызть. Но необходимость в этом отпала, потому что худшие хищники, угрожающие людям, это... сами люди.

Осознать это странное обстоятельство меня заставило од-

но событие: я увидела со своего балкона, как в здание, полное детей, входит чернобородый человек, повторяющий одну и ту же фразу, как будто подстегивая самого себя. Перепуганные человечки пищали, пытались сбежать, но ворвавшийся в здание бородач валил их одного за другим с помощью оружия, изрыгавшего огонь. Человечки падали, все в крови. Это продолжалось долго, пока чернобородого не увели другие люди. Меня это сильно озадачило.

Моя служанка Натали увидела все это позже, уже на экране. Ее эмоциональное состояние мгновенно изменилось, из глаз хлынули прозрачные капли жидкости, которые я охотно слизывала (обожаю вкус воды из человеческих глаз – такой солененький), потом прижалась к ее груди со стороны сердца и давай урчать, чтобы ее успокоить. Это происшествие еще больше нас сблизило. Я простила ей убийство моих детей, мне захотелось унять ее горе. Не знаю, каким способом успокаиваете людей вы, лично я модулирую свое мяуканье, начиная с частоты 30 герц, медленно опускаясь к 25 герцам.

Бородач, застигнутый мной за убийством человеческих детей, оказался одним из первых, кто в те времена занялся подобным. Позже я видела со своего балкона все больше уличных убийств. Люди расправлялись друг с другом большими группами, обычно бородачи (скандировавшие все ту же фразу) сражались с безбородыми (чаще более малочисленными и нерешительными). Взаимное убийство так их поглощало, что не оставалось времени для выполнения обыч-

ных повседневных дел. Прекратился вывоз мусора, накапливавшегося сначала кучами, потом целыми горами. Среди нечистот плодились черви, тараканы и мухи. Город затянуло мерзким зловонием, а тем временем отряды вооруженных бородачей упорно бились с безбородыми в форме цвета морской волны, а также с безбородыми в штатском и с женщинами.

Ловя последних, бородачи забрасывали их булыжниками. Это занятие называется, как я потом узнала, «побиение камнями». Как можно настолько ненавидеть самок своего собственного вида, было для меня загадкой, которую требовалось разгадать.

Потом разразилась эпидемия, погубившая еще больше людей, чем схватки бородачей и безбородых. Всюду я ощущала миазмы смерти, для людей неуловимые. Тогда я и начала понимать, что этот кризис – закат человеческой цивилизации: вместо воинственности люди проявили склонность к коллективному самоубийству. Они предпочли убивать своих соплеменников, упорствуя в том, что их разъединяло, вместо того, чтобы попробовать помириться и вместе выжить. Так они стали животными.

Параллельно я наблюдала рост числа и могущества другого, соперничающего вида, только и ждавшего ослабления людей, – крысиного. Не знаю, как вы, а лично я крыс не люблю. Агрессивность, быстрая адаптация и плодовитость дают им преимущество перед большинством других видов. Не го-

вора уж о длинных резцах, перед которыми бессильна даже древесина.

Чем сильнее людей раздирали конфликты и чем выше вздымались горы мусора, тем многочисленнее становились крысы. Разразилась крысиная эпидемия.

Сначала грызуны прятались, но до меня доносилось их шуршание в городских подвалах. По сточным канавам и по тоннелям метро они могли проникнуть в любое место города. Постепенно, пользуясь ослаблением людей, крысы осмелели, принялись вылезать на поверхность и даже нападать на них. Я своими глазами видела, как они стаями атаковали одиночек и опрокидывали их на землю.

Вскоре после первого инцидента я заметила с балкона своей квартиры соседского кота – сиамской породы, с серебристой шерстью, голубоглазого. Вообще-то, я сиамцев недолюбливаю. Это не расизм, а инстинкт. Вероятно, вы уже видели сиамцев, согласитесь, они отличаются от всех остальных. Уж больно они заносчивы и самодовольны.

Тот кот был настолько преисполнен собственной важности, что позволил себе худшее: не проявил интереса ко мне. Он смотрел со своего балкона не на меня, а на улицу, хотя я находилась в поле его зрения, и не видеть меня он не мог. Сначала я оскорбилась и исполнилась к нему презрением, хотя мы не были знакомы. Но потом решила пренебречь гордостью и завязать с ним отношения.

По мне, лучший способ обращения с самодовольным сам-

цом – вызвать у него безумную влюбленность, после чего гордо отвернуться. Эта женская стратегия безотказно действует даже на закоренелых флегматиков.

Для начала его следовало задобрить. Я прибегла к стандартным приемам из своего арсенала, но успеха не добилась. Я даже демонстрировала ему свой зад, но он остался бесчувственным к моему тонкому аромату. Можно было подумать, что мои гормоны скользят по его носу, не проникая в ноздри.

Стало ясно, что я ошиблась с тактикой. Следовало дожидаться момента, когда он окажется полностью в моей власти. Таковой вскоре представился: он застрял на высокой ветке дерева на улице, облаиваемый собакой, желавшей его падения, и я его спасла, сумев отвлечь шавку. Так этот кот стал моим должником.

Мы сошлись и заговорили. Вы знаете мой принцип: все на свете сводится к проблеме коммуникации. Оказалось, его зовут Пифагор; он признался мне не только в этом, но и в своей необыкновенной особенности – дыре во лбу, прямо над глазами. Он называл ее своим «третьим глазом». Согласно его объяснению, на самом деле это был USB-порт, имплантированный людьми ему в череп и обеспечивавший связь между его мозгом и компьютером, а следовательно, выход в Интернет – место, где люди накапливают всякую информацию.

Пифагор в подробностях поведал мне свою историю. Он вырос в лаборатории – люди ставили на нем научные экспе-

рименты с намерением понять явление наркозависимости. Другие коты, на которых ставили такие же опыты, сходили с ума, один Пифагор выжил. Его любимая поговорка гласит: «Все, что нас не убивает, делает сильнее» (он утверждал, что почерпнул эту фразу из старой человеческой книги). Служанка Пифагора из числа людей, старая ученая дама по имени Софи, привязалась к нему и взяла к себе домой.

Пифагор был очень умен, а главное – благодаря своему «третьему глазу» имел доступ ко всем человеческим знаниям во всех областях. Он открыл мне массу вещей о мире вокруг, о которых я ничего не знала.

Например, от него мне стало известно, что чернобородые люди, убивающие человечков, – религиозные фанатики, вооруженные автоматами; он же объяснил мне, что такое телевидение и что за вода льется из глаз моей служанки.

Что касается заразы, косившей людей, то она, по его словам, представляла собой возродившуюся старинную эпидемию, известную в Средние века как чума, переносимая крысами. Благодаря Пифагору я осознала, какая ужасная опасность исходит от этих грызунов: они пользуются распадом человеческой цивилизации, чтобы сменить людей в роли всеядных тварей, обладающих высокой приспособляемостью и очень быстро эволюционирующих. Если ничего не предпринять, крысы возобладают над миром людей, а заодно и над кошачьим миром.

Но у Пифагора был кардинальный недостаток: он был па-

цифистом. То есть никудышным защитником, плохим воином, никуда не годным убийцей.

Что ж, никто не совершенен.

Тем временем мир вокруг нас день ото дня становился все более жестоким. В такие времена не до философии.

Квартира Натали подверглась нападению банды ужасных людей во главе с ее бывшим женихом. Моего бывшего спутника, ангорского кота Феликса, эти чудовища зажарили на вертеле. Софи, старая служанка сиамского кота, была убита. Во время нападения моему сыночку Анжело чудом удалось сбежать. Мы с Пифагором решили отправиться на его поиски и устремились на запад, узнав от знакомой кошки, что он убежал в ту сторону.

Вдвоем мы достигли Булонского леса, парка в западной части Парижа. Там я нашла не только своего котенка Анжело, но и добрую сотню других кошек, спасавшихся от крыс. Анжело прибил к Эсмеральде, черной желтоглазой кошке, которая жила раньше у певицы и тоже прекрасно пела. Служанка Эсмеральды погибла, ее собственный котенок пропал, она убежала, случайно наткнулась на Анжело, стала его кормить и усыновила. Сознаюсь, сначала я немного ревновала, но со временем оценила ее по достоинству, благо она того заслуживала хотя бы потому, что проявляла ко мне подчеркнутую почтительность.

В этом лесном кошачьем сообществе выделялся огромный кот, сбежавший из цирка в Булонском лесу. Пифагор

шепнул мне, что он – представитель редкой породы кошек – львов. Звали его Ганнибал. Потом мы познакомились с пельно-серым Вольфгангом, принадлежавшим прежде самому президенту республики – главному среди людей.

По моей инициативе мы, выжившие, сбились в стаю, поставившую себе цель сопротивляться бурному размножению крыс. Самым мощным нашим оружием был, конечно, лев.

Нам встретилась удивительная женщина, Патриция, обладавшая редкостной способностью общаться со мной телепатически. Она называла себя шаманкой (у людей так называют тех, кто умеет устанавливать с животными мысленную связь). Но существовала одна проблема: эта телепатка была глухонемой, что ограничивало ее общение с соплеменниками.

Вместе с молодыми друзьями Натали мы стали подыскивать местечко, где можно было бы не опасаться крыс. Единственным местом без подземных ходов, канализационных трасс и тоннелей метро (как я уже вам говорила, именно там кишат крысы) оказался Лебединый остров – узкий искусственно созданный клочок суши посередине центральной водной артерии Парижа, именуемой людьми Сеной. Молодежь устроила там лагерь, к которому мы, кошки, а также лев, быстро прибились.

Однако почти немедленно наш Лебединый остров подвергся нападению по всему периметру (крысы в отличие от нас – отменные пловцы). Развернулось эпическое сражение.

Мы, кошки, и наши слуги, люди, понесли ощутимые потери, однако в последний момент – по моему совету – прибегли к верному средству: вылили на поверхность воды бензин и подожгли его в тот самый момент, когда к острову приближалась очередная крысиная волна.

Не доплыв до берега, крысы запылали. Так я, мой сын Анжело, мой кот Пифагор, моя служанка Натали, шаманка Патриция, лев Ганнибал, Эсмеральда и Вольфганг добились возможности спокойно жить на Лебедином острове.

С тех пор минуло полгода. Теперь, кажется, все идет неплохо.

Однако победа победой, а Пифагор не разделяет моего энтузиазма (он такой один).

– У меня две новости – хорошая и плохая, – сообщает он мне.

– Начни с первой.

– Возможно возвращение крыс, собравших новые силы. На этот раз они могут нас одолеть.

Я лижу шерсть у себя на плечах – это верный признак повышенной концентрации.

– Будем усиливать оборону, – отвечаю я.

– Боюсь, этого недостаточно.

– Что же ты предлагаешь?

– Еще не знаю. Пока что я должен поразмыслить о сохранении того, чем мы уже располагаем, – знаний. Я – единственный среди кошек, кто имел доступ в Интернет и по-

нял нашу историю. Если я погибну при новом столкновении, то, боюсь, вся эта информация будет забыта. Надо оставить след.

Я нервно двигаю ушами.

– Валяй, развивай мысль. Я слушаю.

– Я наткнулся в Интернете на идею некоего человека (профессора Эдмонда Уэлса), состоящую в запоминании максимума знаний. Он называет это ЭОАЗ – «Энциклопедия относительного и абсолютного знания». Думаю, мы, в свою очередь, могли бы составить ЭАОЗК – «Энциклопедию абсолютного и относительного знания кошек». Этот документ стал бы интеллектуальным сокровищем нашего вида. Такова хорошая новость.

– Что ты хотел бы вставить в твою энциклопедию?

– Все, что имеет к нам отношение: то, что я уже рассказал тебе о нашем прошлом. Потом достаточно было бы спрятать ее в надежном месте. После нашей смерти другие нашли бы ее и смогли бы прочесть. Так память о нас не совсем исчезнет.

– Как же ты оставишь след, если не умеешь ни читать, ни писать?

– Благодаря своему подключению к Интернету я могу входить в Сеть и двигать стрелкой при помощи мышки (не той, о которой ты подумала, Бастет) на виртуальной клавиатуре. Так можно печатать буквы, образующие слова, из слов получаются строчки, а из строчек – страницы. Для уточнения

мыслей я буду одновременно с вводом текста мяукать его тебе.

Я смотрю в его синие глаза.

– Когда ты хочешь этим заняться, Пифагор?

– Прямо сейчас: я очень боюсь, как бы все не пропало, – серьезно отвечает он.

Пифагор просит у Натали компьютер и шнур USB. Он подключает шнур к своему «третьему глазу» и приступает к делу, готовясь выразить мяуканьем все, что помнит из прочитанного в Интернете.

– С чего ты начнешь? – спрашиваю я.

– Наверное, с краткого изложения великой истории кошек. Получится отменное вступление, ты согласна, Бастет? Вот какое оно, наше потрясающее прошлое.

4. История кошек и людей (часть первая)

Первые контакты между человеком и кошками произошли за 10 000 лет до нашей эры, в неолите. Тогда люди занялись земледелием, а это, естественно, привлекало мышей и крыс, желавших полакомиться урожаем. Таким образом, основой для естественного союза людей и кошек послужил общий интерес.

В доме человека дикая африканская кошка (предки которой были родом из Эфиопии) поселилась 5000 лет назад, в Древнем Египте.

Египтяне видели в кошке (называемой ими «Миу», по издаваемому ею звуку) воплощение Бастет – богини с женским телом и кошачьей головой. Для них кошки были священными животными: убийство кошки было тяжким преступлением и каралось смертью. Трупы умерших кошек мумифицировали и хоронили на особых кладбищах.

Персидский царь Камбис II, вторгшийся в Египет в 525 году до нашей эры, столкнулся с поклонением кошкам и надумал привязывать живых кошек к щитам своих воинов. Египетские солдаты не смели выпускать стрелы в священных животных, из-за чего потерпели поражение в битве при Пелузии (нынешний Сиди-Бу-Саид). За этой катастрофой последовало истребление персами египетской знати, разруше-

ние храмов и убийство кошек.

Уцелевших кошек развезли по миру корабли финикийских и еврейских купцов, оценивших их как охотниц на крыс и защитниц грузов в трюме и такелажа от грызунов.

Рождавшихся в этих плаваниях котят моряки продавали в портах. Котят также дарили греческим женщинам наряду с лакомствами и цветами. Их оценили крестьяне, страдавшие от грызунов, хозяйничавших в амбарах, они увидели в котах заодно и защиту от скорпионов и змей (в этом качестве коты заменили зловонных хорьков).

Вместе с торговыми караванами кошки добрались до Индии, где их стали чтить в виде богини Сати с кошачьей головой, и до Китая, где кошек воплотила богиня Ли-Шоу. Корейский император преподнес кошек в дар японскому императору Итидзё на его 13-летие, после чего кошки быстро расплодились и в Стране восходящего солнца.

Гораздо раньше этого кошки попали с войсками римских завоевателей в Галлию, Германию и Англию, потому что их высоко ценили легионеры Цезаря (тот, правда, кошек боялся).

Ввиду ограниченного количества кошек в каждой стране происходило их близкородственное скрещивание, приводившее к генетическим мутациям. Человек вел отбор, опираясь на определенные свойства: форму туловища, цвет шерсти и глаз. Появились местные породы: персидская в Персии, ангорская в Турции, сиамская в Таиланде.

Так начался первый этап расселения кошек по планете.

Энциклопедия абсолютного и относительного знания.

Том XII

5. С острова на остров

«Проблемы всегда возникают наихудшим образом и в наихудший момент», – говорила моя мать.

При всем своем уме она порой говорила глупости: ровно с таким же успехом проблема может возникнуть в наилучший момент, как и в наихудший. Просто мы внимательнее относимся к новым проблемам, когда они добавляются в и без того сложное время.

В данном случае в момент ключевого события я нахожусь в безупречной форме. Сейчас ночь, все вокруг озаряется полной сияющей луной; у меня легкая бессонница (спала не очень свежую мышку), вот и решила выйти размяться и подышать воздухом.

Теперь о самой проблеме: это заурядная ночная атака полчища крыс. Я использовала слово «полчища», но это, честно говоря, неточно: два раненых кота плывут, мяукая от отчаяния, через реку, преследуемые четырьмя плюгавыми крысами.

То есть проблема вполне решаемая.

Особенность ситуации заключается, пожалуй, в том, что преследователей отличает крайняя решимость. Когда обессиленные коты добираются наконец до южного берега, крысы (хоть и чувствующие, видимо, что оказались на территории, где им не рады), не прекращают преследование. Две

первые вылезают на мой остров.

Вы меня знаете – я не из тех, кто дрогнет перед созданными вдвое меньше меня, к тому же не наделенными устрашающими клыками. Особенно отважной меня не назовешь, зато я игрива и воинственна, и для меня эта ситуация – отличная возможность проявить свой боевой настрой.

Ах, крыски, вы не представляете, с кем имеете дело!

Я неслышно подкрадываюсь, готовая выпустить когти, шерсть стоит дыбом – так я кажусь крупнее и страшнее для неприятеля. Мне на пользу то, что первая выбравшаяся на берег крыса еще мокрая – при такой тяжелой шерсти единоборство ей противопоказано. Прежде чем она что-либо предпримет, я убиваю ее ударом правой лапы с выпущенными до отказа когтями. Свернув ей шею, я одним махом предотвращаю возможную вспышку агрессивности.

Но вторая крыса, достигшая берега, проявляет бесстрашие и не отказывается от первоначальных планов. Я не произвожу на нее устрашающего впечатления, и она кидается на меня, следуя импульсу жалкого умишка, свойственного ее породе. Длинные резцы вонзаются в мое плечо – это больно, но я не отступаю.

Я сбрасываю крысу с себя, чуть отбегаю, разгоняюсь и атакую ее с разинутой пастью. Она делает то же самое, что приводит к лобовому столкновению под лязг зубов. Каждый из нас старается как можно больнее укусить неприятеля. Я чувствую вкус крысиной крови, крыса стегает меня своим розо-

вым хвостом по глазам, как кнутом, я наношу разящий удар своей черно-белой лапой и выдираю из ее тела орган, который ей больше не понадобится, – сердце.

Люди вроде бы действуют точно так же в отношении своих соплеменников, подвергнутых анестезии, – в лечебных целях. Лично я ни к какой анестезии не прибегаю, ибо моя цель – убить.

Вскоре на берег вылезают еще две крысы, но они, увидев, что стало с их предшественницами, и, сообразив, что ждет их самих, благоразумно ретируются.

Я съедаю сердце своего врага, тщательно пережевывая, поскольку знаю, что крысиное сердце жилистое. Эту победную трапезу я завершаю торжественной отрыжкой.

К моим достоинствам относится скромность в минуты торжества.

Оба спасенных кота смотрят на меня с восхищением. Им изрядно досталось: уши порваны, морды в крови, один лишился глаза, у другого прокушена лапа, шерсть свалялась. Они все еще дрожат от страха и от голода.

Я подзываю мяуканьем наших слуг – людей. Подбегают две молодые женщины, они, оценив ситуацию, кормят и успокаивают обоих пострадавших. Дождавшись, когда коты придут в себя, я интересуюсь:

– Что с вами случилось?

– КРЫСЫ! – отвечает один, в ужасе тараща глаза.

Тоже мне, открытие!

– Где? Когда? Почему?

Второй кот рассудительнее первого.

– Мы жили на юге Парижа, – сообщает он. – Когда разразился кризис, людей – наших слуг – перебили, и мы отправились на поиски еды. Оказалось, что все вокруг разорено. Мы пережили Крах, сбившись в стаю. А потом вдруг увидели...

Его трясет от ужаса.

– Что увидели? – требую объяснений я.

– Армию крыс. Они без устали убивали, никого не оставляя в живых.

К рассказчику присоединяется первый кот:

– Это настоящее полчище, и оно отличается необычной агрессивностью.

– Им удалось одолеть и присоединить к себе все остальные крысиные стаи в районе. Получилось единое несметное войско. В нем не сотни и не тысячи, а десятки тысяч крыс, они текут, как река блестящих черных глазенок, бурой шерсти и острых белых резцов, и сносят все на своем пути.

На горизонте уже высовывается утреннее солнце, а два кота никак не завершат свой рассказ, продолжая друг друга дополнять.

– Они прекрасно организованы и атакуют волна за волной, не позволяя от них увернуться. Все, даже люди, в страхе бегут от них.

– Они наступают на район Парижа с юга.

Пифагор, слушая их показания вместе со мной, нервно

чесет задней лапой правое ухо – признак крайней озадаченности.

– Это то, чего я опасался. У нас не осталось выбора, пора убираться, – мяукает он.

Я, не желая поддаваться панике, отвечаю ему:

– Крысы уже попытались взять над нами верх, их были целые тучи – и ничего у них не вышло.

– Один раз они потерпели неудачу, но это не значит, что так будет всегда. Лебединый остров слишком узкий, его трудно оборонять. Они обязательно извлекут урок из своего недавнего поражения и в следующий раз исправят недочеты. Ждать нельзя, надо срочно уходить, – настаивает Пифагор.

Вы уже кое-что обо мне знаете и понимаете, что утром мне опасно противоречить. Не поддаваясь эмоциям, я делаю заранее запланированную утреннюю зарядку. И только после этого спрашиваю:

– Куда нам уходить?

– Необязательно далеко. Скажем, на другой остров Сены. Я уже нашел один такой в Интернете, у людей он зовется островом Сите. Он крупнее, на нем больше зданий, поэтому его проще укрепить.

Знаю, он снова прав, но не хочу признавать, что сразу с ним согласилась. Это вопрос принципа. Поэтому я тяну время.

– Как туда попасть? На Лебедином острове не осталось мостов, нам не добраться до берега.

– Доберемся. На лодке.

– Плыть по воде? Для меня это исключено. Ты только представь, что будет, если лодка перевернется.

– Пока другого варианта нет, а время на исходе.

Я фыркаю, нахожу сугубо формальные аргументы для возражения (типа «мы с таким трудом нашли этот остров», «на любом другом острове будет канализация, выходы из метро, туда смогут пробраться наши враги», «как мы переправим туда все хозяйство?»), но в конце концов соглашаюсь принять его предложение.

Я поворачиваюсь к остальным кошкам. Всем, признающим мой авторитет (я приобрела высокий статус благодаря таланту стратега, проявленному в сражениях за Лебединый остров), я указываю на необходимость уходить.

Пифагор присоединяет свой «третий глаз» к смартфону, автономная работа которого обеспечивается солнечной батареей, набирает сообщения и отправляет их моей служанке Натали. Та мгновенно берется за дело.

До кризиса Натали была архитектором, проектировала дома. Я издали наблюдаю, как она готовит план нашей эвакуации, и не могу не восхищаться ее профессионализмом. С начала страшных событий она сильно изменилась: стала гораздо активнее и вообще нравится мне больше, чем раньше. В ней больше нет прежней женской пассивности, выводившей меня из себя. Она обрела дар предвидения, постоянно предлагает новые решения, дает волю воображению.

Благодаря ее энергии переселение не заставляет себя долго ждать: молодежь собирает вещи, грузит в лодки провизию и все, что может пригодиться на новом месте. В считанные часы все готово. Ганнибал залезает в лодку – это сигнал для остальных.

Я с опаской перехожу в утлую посудину, качающуюся на воде, и мы уплываем с Лебединого острова. Остальные кошки и люди делают то же самое.

Воду отделяет от моих лап всего несколько сантиметров! Я невольно представляю, как лодка переворачивается и я тону. От таких мыслей я поеживаюсь и меня пробирает дрожь.

Не думать об этом!

При каждом гребке лодка сильно кренится – неприятное ощущение, приходится жмуриться и стискивать челюсти.

Нет, я не утону!

Служанка держит меня на руках. Я лезу к ней под мышку, чтобы не думать об ужасной воде вокруг, об опасности упасть туда, тщетно барахтаться и пойти ко дну. Признаться, запах пота служанки придает мне уверенности. Я тычусь лбом ей в грудь, она усердно меня гладит, и я в конце концов забываю об опасности. Натали удается меня успокоить – не хуже, чем успокаиваю ее я. Наверное, именно поэтому мне так важно поговорить с ней напрямую, чтобы мы могли лучше помогать друг другу.

Я провожаю глазами Лебединый остров, наше прежнее убежище.

О жизни в этом особенном месте у меня остались самые приятные воспоминания: как поселились, как сражались и побеждали, моменты нежности с близкими. Я еще различаю руку с факелом удаляющейся статуи Свободы на краю острова.

Всему этому теперь пришел конец. Пифагор прав: наше будущее не здесь.

Лодка скользит по Сене, и мои воспоминания рассеиваются.

Картины разоренного Парижа не могут оставить меня равнодушной. Мы минуем рухнувшие мосты. Берега усеяны ржавыми брошенными автомобилями. Зато в речной воде кипит жизнь. Рыба, саламандры, лягушки пользуются тем, что никому нет до них дела, чтобы бурно размножаться. Наконец, вдали показывается остров Сите.

Сначала нашему взору предстает великолепное сооружение, высокое и величественное, как следует из объяснения Пифагора. Это собор Парижской Богоматери. Увидев его, я понимаю, что мы правильно поступили, уплыв с нашего узкого Лебединого острова на другой, гораздо более просторный.

Надеюсь, на новом месте мы сможем создать новую кошачью цивилизацию, которая сменит потерпевшую крах человеческую.

6. История кошек и людей (часть вторая)

После завершения античных времен жизнь кошек, прежде вполне комфортабельная, становится трудной.

В 392 году христианский император Феодосий по требованию римского папы запрещает гражданам держать кошек. По причине ночного образа жизни и шума, сопровождающего их спаривание, кошек обвинили в испорченности и в колдовстве и принялись массово казнить, придумав праздник, связанный с их умерщвлением. В Иванов день добрым христианам надлежало ловить кошек и швырять их живьем в костер, разложенный на центральной площади.

Во время великой чумы, свирепствовавшей в половине стран Европы в 1347–1352 годах, еврейские общины (по логике вещей оказавшиеся единственными, еще державшими кошек, так как им это не возбранялось) страдали от мора меньше, а все благодаря кошкам, отгонявшим распространителей заразы – крыс. Поскольку о связи между последними и чумой никто еще не догадывался, это обстоятельство казалось подозрительным, и толпы фанатиков, искавших козлов отпущения, устраивали массовые убийства евреев.

В 1484 году папа Иннокентий VIII издал буллу, требовавшую убийства как можно большего количества кошек, ибо в них, желая остаться незамеченным, якобы вселялся дьявол.

В Англии при правлении католички Марии Тюдор кошек, считавшихся символами протестантской ереси, сжигали на кострах; не изменилась их судьба и при королеве Елизавете I, ведь тогда они стали символом католической ереси.

В Средние века кошек кое-где употребляли в пищу – в Испании жаркое из кошатины считалось изысканным блюдом. Кое-где им находили иное употребление: в Северной Европе из кошачьих шкурок шили одеяла, подушки и плащи.

В 1665 году Европу охватила вторая страшная эпидемия чумы. Она вспыхнула после масштабной кампании по истреблению кошек в Лондоне.

По прошествии ста лет Ватикан официально реабилитировал кошек. Христианам разрешили, наконец, заводить кошек без риска отлучения. И только в 1894 году бактериолог Александр Йерсен сделал открытие: возбудителем чумы оказалась бацилла, переносимая паразитирующими на крысах блохами, названная позднее *Yersinia pestis*.

Ныне кошка является самым распространенным во Франции домашним животным (их более 10 миллионов, на треть больше, чем собак). Мэры ряда крупных городов мира, например, Рима и Иерусалима, допускают бесконтрольное проживание и размножение бродячих кошек на улицах и во дворах, так как они препятствуют размножению крыс. Плотность кошачьего населения в этих двух городах достигла 2000 особей на 1 квадратный километр, крыс же там совсем мало.

Энциклопедия относительного и абсолютного знания.
Том XII

7. Остров всех надежд

Мы подплываем к западному берегу острова Сите и видим там несколько сотен прогуливающихся крыс.

Они замечают Ганнибала, но спастись не успевают. Бывший цирковой лев – бесподобная крысобойная машина. Он кидается на крыс, не позволяя им сообразить, что происходит, пронзает когтями, рвет зубами, давит задними лапами, как перезрелые плоды. Самые бесстрашные, осмеливающиеся сопротивляться, тоже гибнут. Спасаются всего две крысы: они прыгают в воду и плывут к другому берегу.

– Погонимся за ними? – предлагает Эсмеральда. Она не боится воды и готова пуститься вплавь.

– Ни в коем случае! – отвечаю я. – Пускай доберутся до своих и объяснят им, чем они рискуют, если сунутся сюда. Теперь бояться будут они, а не мы.

– Не уверен, что им следует знать, что мы здесь, – вмешивается Пифагор.

Остров Сите теперь – это горы мусора и развалины домов. Все, что осталось от человеческой цивилизации, постепенно зарастает плющом, кустами ежевики и сорной травой. В траве белеют скелеты, гниют нечистоты. Устоявшие стены испещрены дырами от пуль и снарядов – следами гражданской войны, бушевавшей здесь перед Крахом.

Стоило нам высадиться, как наши люди сразу берутся за

дело. Они проводят на острове уборку, пытаются превратить это унылое место в укрепленный лагерь. Мою служанку Натали рвут на части – я же говорила, она архитектор. Здесь она в своей стихии, поскольку понимает, что и как нужно делать. Ей удастся всех организовать. Молодые ребята добывают на заброшенной стройке динамит и взрывают мосты, переброшенные с Сите на берега Сены. Потом, действуя руками, своими ловкими пальцами, они блокируют канализационные трубы и тоннели метро стенками из кирпичей, укладывая их на раствор, чтобы предотвратить передвижение крыс по подземельям. Весь остров они обносят по периметру крепостной стеной высотой в метр. Из-за нехватки кирпича им приходится ломать уцелевшие стены домов.

Не медлим мы и с пополнением съестных припасов. У каждого своя задача. Человечья молодежь занимается ловлей рыбы. Они добывают угрей, карпов, щук, даже рыбу со странным названием рыба-кошка. В Сене теперь водятся даже осетры – знаменитые рыбины, из животов которых достают мою любимую черную икру.

Лично я просто отдыхаю, следя за продвижением работ. Наблюдаю издали за моей служанкой Натали и думаю:

Почему сошлись наши пути?

Глядя, как она вместе с остальной молодежью складывает защитную стену, я в конце концов признаю, что она по-своему красива – сугубо человеческой красотой, конечно. Мне нравятся ее черные волосы, стянутые красной лентой, белая

кожа, фигура – прямая, вертикальная, на двух ногах, но все равно грациозная.

Увидев меня, Натали убирает со лба прядь и заговорщи-чески подмигивает. Я в ответ рассеянно зеваю. Знаю я людей – с ними нельзя фамильярничать, иначе они поменяются с нами ролями и возомнят себя хозяевами! Но кошек я тоже знаю – людей, которые их приютили, они почему-то называют «хозяин» и «хозяйка». У меня же свое мнение: я считаю, что люди – наши должники, а мы им ровным счетом ничем не обязаны.

Я решаю прервать сиесту, чтобы проинспектировать продвижение работ, выполняемых моими слугами. Вижу, люди работают споро, и наше убежище становится все более надежным и безопасным. Пифагор сверяется с Интернетом и знакомит меня с географией этого острова в центре Парижа.

– Движемся с запада на восток: площадь Вер-Галан, площадь Дофина, Дворец правосудия, Торговый суд, префектура полиции, несколько частных домов, больница Отель-Дьё неподалеку от площади Иоанна XXIII и площади Иль-де-Франс.

Вот ведь ирония ситуации: место, где должны были спастись люди, усеяно человеческими трупами.

Чуть дальше молодежь пересчитывает найденные банки овощных консервов. Люди – всеядные существа, в их пище должны присутствовать растения.

Пифагор хочет показать мне жемчужину острова – собор

Парижской Богоматери. Мне знакома базилика Сакре-Кёр на Монмартре, и этот храм я тоже не прочь осмотреть. По моему, по этой части люди – молодцы.

– Собор чуть не сгорел дотла в апреле 2019 года, но, как видишь, восстановлен. Великий Крах привел к гибели стольких архитектурных памятников, и теперь этот собор – один из немногих, которые пощадила катастрофа. Можно подумать, пожар 2019 года сделал его неуязвимым.

Мы входим в большую дверь, и я вижу витражи, сквозь которые внутрь льются солнечные лучи.

– Он вообще для чего, собор? – интересуюсь я.

– Люди приходят сюда молиться.

– Молиться? Я запомнила, что это значит.

– Это связано с религией. Они обращаются с просьбами к своему Богу.

– С какими, например?

– С любыми: они просят женской любви, успешной сдачи экзамена, легкого получения водительских прав, крепкого здоровья. Еще можно просить детей, выигрыша в лотерее, богатства, гибели недругов, победы над конкурентами.

– И что, работает?

– Иногда да, иногда нет. Но они часто воображают, что все зависит от их молитвы и от отношений с Богом.

Пифагор ведет меня вверх по лестнице, к органу, и нажимает на клавишу. Собор наполняется мощным звуком.

– На счастье, орган питается электрическим током, – объ-

ясняет Пифагор. – Электричество поступает бесперебойно.

– Почему, по-твоему, оно продолжает поступать?

– Атомными электростанциями управляют компьютеры, им люди ни к чему. Поэтому в городе еще есть свет.

Я нажимаю лапой на другую клавишу органа, и раздаётся звук, от которого по моей шерсти бегут волны. Мой сиамский партнер трогает следующую клавишу. Каждый жмет на свою, и звучит то, чему Пифагор спешит дать название «Первая кошачья симфония».

Весь собор вибрирует от извлекаемых нами из органа звуков. Я прыгаю с клавиши на клавишу, меняя звучание. Мы долго играем на органе, потом Пифагор ведет меня в комнату с большой красной кнопкой и предупреждает:

– Если случится беда, надо нажать на эту кнопку, тогда зазвонят колокола собора.

Не объясняя, что все это значит, Пифагор манит меня за собой. Мы лезем на башню, где он показывает мне крупные предметы, напоминающие по форме груши.

– Так можно поднять тревогу, звуки будут разноситься очень далеко. Поднимется оглушительный шум.

– Даже громче, чем мой визг?

Мы поднимаемся по узкой лестнице на северную башню собора. Обожаю высокие точки обзора! Мы выбираем в качестве наблюдательного пункта край скульптуры, названной Пифагором горгульей: это каменный зверь, собака с жабьей головой, корчащая рожу и высывающая язык.

Отсюда хорошо следить за происходящим вне нашего острова. Зрелище ужасающее. Париж стал совсем другим. Самые высокие здания рухнули, остальные зарастают кустарником.

Тут и там в небо поднимаются столбы черного дыма: это значит, что выжившие люди разогревают себе еду. Порой появляются крадущиеся фигуры, одни прячутся за углами, другие роются в кучах отходов.

То и дело издали доносятся чьи-то крики.

И только наш остров, где уже прибралась человечья молодежь, кажется чистым и безопасным местом.

– У меня впечатление, что я, наконец, нахожусь именно в том месте, где мне следует быть, – говорю я своему сиамскому партнеру.

– Люди называют это раем. Это слово персидского происхождения, первоначально так называли обнесенный стеной сад.

Я запомнила историю царя Камбиса, завоевавшего Египет и перебившего тамошних кошек, поэтому персы не вызывают у меня доверия. Но само понятие рая мне по душе.

До нашего слуха доносится вопль, определенно исторгнутый человеческой глоткой. Больше, чем когда-либо, я радуюсь, что я – кошка.

– Здесь мы сможем отстроить новый мир. Будущее принадлежит нам, – говорю я.

– То же самое думают, наверное, и крысы.

– Крысы не выдвигают никаких созидательных проектов развития мира. Для них главное – собственное выживание и захват новых территорий.

– Кто их знает... Их очень много, не может быть, что они все заблуждаются. Вдруг у них все же есть свой тайный проект...

– Откуда такие мысли?

– Никогда не надо недооценивать врага, Бастет.

– Не станешь же ты говорить, что не исключаешь «крысиное будущее»?!

– Почему нет?

– Ну, это уж слишком!

– Слишком... что?

Я ищу слово и никак не нахожу.

– Слишком... сурово.

– Возможно, в этом смысл эволюции: мир становится все более суровым.

– Мы должны взять верх, – решительно возражаю я.

– Для этого потребуется много энергии и умение приспособливаться.

– Мы вместе, ты и я, можем повести за собой и спасти хотя бы тех, кто собрался вокруг нас, я уверена в этом.

Этот разговор меня тревожит и одновременно возбуждает. Чтобы прийти в себя, я валюсь на спину, несильно дрыгаю задними лапами и в знак покорности (временной, не будем преувеличивать) прижимаю уши.

Мы занимаемся любовью на опасном ложе — оседлав самую высокую горгулью собора, рискуя сорваться вниз и разбиться насмерть.

В пароксизме наслаждения я издаю крик, долго мечущийся над островом, которым я овладеваю.

8. Остров Сите

Сначала на острове Сите жило галльское племя паризиев. Найдены следы его пребывания, относящиеся к 250 году до нашей эры. Паризии, без сомнения, и дали имя всему городу. Они жили в крытых соломой хижинах, обнесенных деревянными оградами, питались рыбой из Сены и дичью, добываемой на окрестных болотах.

Римляне, захватившие Галлию в 52 году до нашей эры, назвали остров Сите Лютецией и возвели на нем храм в честь Юпитера. На Лютеции жило тогда примерно 1500 человек, в основном галлы, ставшие галло-римлянами. Для защиты острова были построены каменные стены, на его юго-восточном берегу появилась пристань.

При нашествии гуннов во главе с Атилиой в 451 году население острова спасалось за частоколами. После этого остров обнесли стеной шириной в 2 метра и высотой в 30 метров.

В 508 году король Кловис построил в центре острова свой дворец. Он принял христианство, и храм Юпитера, стоявший тогда на месте собора Парижской Богоматери, был превращен в христианскую базилику.

В 845, 861 и 877 годах остров грабили и сжигали викинги. В 885 году Париж атаковали 40 тысяч воинов короля Зигфрида на 700 деревянных кораблях – драккарах. На этот раз графу Эду Парижскому удалось спасти город, договорив-

шись об их уходе в обмен на денежную компенсацию. За эту своеобразную победу Эда избрали королем Франции.

В 1163 году король Филипп Август возвел на двух берегах острова крепостную стену, а епископ Морис де Сюлли начал строить собор Парижской Богоматери.

Позже остров Сите стал сердцем столицы: для упрощения торговли были построены каменные мосты, а будущая площадь Дофина стала большим парижском рынком.

*Энциклопедия относительного и абсолютного знания.
Том XII*

9. Жизнь на острове Сите

– Ты слишком голосишь при оргазме, – упрекает меня Пифагор. – Натали прислала мне со смартфона сообщение, что своим экстатическим мяуканьем ты перебудила всю округу.

Снова здорово! Ничто так меня не бесит, как нотации людей по поводу моей личной жизни. Я живу как хочу, и если кому-то, например, нашим двуногим слугам, что-то не по нраву, то это их проблемы.

– Похоже, Натали не любит, когда я занимаюсь любовью, – говорю я. – Я, конечно, ценю ее услуги, но нельзя не признать ее ограниченность: для нее мы, кошки, – бесполое плюшевые игрушки. Вспомни, как она кастрировала Феликса! Людям всегда будет трудно видеть в нас свободных и независимых существ и *тем более* свою ровню. И вообще, у меня есть подозрение, что они нам завидуют.

Глядя издали на свою служанку, я мысленно обращаюсь к ней с такой тирадой:

Моя бедная Натали, ты ни в чем не виновата. Что поделать, если ты принадлежишь к людской породе! Думаю, ты – часть старого, отживающего мира. Лучше бы тебе осознать, что те, кого ты считала просто домашними животными сугубо декоративного назначения, уже заменяют вас, людей.

Но это ничего не дает, она меня не понимает. Придется

пройти еще немалый путь, прежде чем я смогу общаться с ней так же, как с Пифагором.

Я глубоко дышу, желая успокоиться. Раз диалог со служанкой невозможен, я намерена обратиться к Патриции, немой женщине-медиуму: с ней мне иногда удается общаться мысленно. Я показываю жестом, что желаю с ней поговорить, и она тут же настраивается на мою волну.

Патриция, ты – единственная среди людей, у кого есть со мной связь. Мне хотелось бы, чтобы ты вразумила мою служанку: скажи ей – я делаю, что хочу и когда хочу, и мне все равно, нравится это ей или нет. Не беспокойся, она знает, на что я намекаю.

Надеюсь, наша шаманка меня поняла. Она кивает и гладит меня по голове, не ероша шерсть.

Как ни грустно, Патриция, кажется, утратила свои телепатические способности. Но возможно, дело в другом: это я сама не умею до нее достучаться.

Я разгуливаю по острову Сите, осваиваясь с этой новой информацией.

Время ничего не исправило. Я лишилась возможности доводить до наших слуг свои соображения.

Что ж, пускай тогда Пифагор поговорит с Натали при помощи своего «третьего глаза», раз он теперь единственный мостик между двумя нашими цивилизациями.

По прошествии еще одного дня я убеждаюсь, что на нашем счастливом острове все происходит наилучшим обра-

зом. На северный берег выбираются еще семь раненых крошек, просящих у нас убежища. И другие новенькие – трое молодых людей, выжившие при эпидемии чумы и тоже желающие к нам присоединиться. Это очень кстати – чем больше пятипалых рук с удачно расположенным большим пальцем, тем лучше.

Эту троицу доставляют на остров в лодке наши люди. Остров Сите довольно большой, поэтому найти для них жилье не представляет труда. Таким образом, численность нашей коммуны, а значит, и наша оборонительная армия, растет не по дням, а по часам.

В последующие дни происходит то же самое. Чем лучше становится у нас на острове, тем привлекательнее он для переживших Крах. Всего за неделю наше население увеличивается от нескольких сотен кошек и всего десятка человек до тысячи кошек и сотни людей.

Анжело, мой повзрослевший котенок, поселился с группой из двадцати «подростков» у Эсмеральды – той, как я полагаю, нравится возиться с подрастающим поколением.

Лично у меня, повторю, не так силен материнский инстинкт: для меня дети, скорее, тормоз личной эволюции. Анжело я люблю тем больше, чем... реже его вижу. То, что Эсмеральда взялась о нем заботиться, представляется мне знаком судьбы. По-моему, детей надо верить заботам тех, кому это нравится, а не тех, для кого они обуза.

Нанося свой последний визит мелюзге, я наблюдала из-

дали, как Анжело и прочие, поощряемые Эсмеральдой, расправлялись с лягушкой. Что ж, сказала я себе, тем лучше для него. Практика вивисекции поможет ему узнать расположение внутренних органов (всем матерям известно, что прозрачная кровь земноводных не так пачкает шерсть, как кровь грызунов).

Любуясь своим котенком, уже ставшим, надо это признать, молодым котом, я замечаю, что он ведет себя как предводитель стаи и презрительно помыкает другими молодыми котами. По отношению к слабейшим, подверженным наибольшему влиянию, он подчеркивает свое доминирующее положение.

Придется за ним приглядеть – не хватало только, чтобы он возомнил себя... мной!

Чтобы отметить и укрепить наше зарождающееся сотрудничество с двуногими я предлагаю устроить праздник во славу нашего Рая.

Пифагор обсуждает эту тему с Натали, и та не только соглашается дать кое-какие указания другим людям, чтобы они организовали праздник, но и направляется в храм поиграть на органе. При первых же аккордах мой сиамец с видом знатока сообщает:

– «Токката» Иоганна Себастьяна Баха.

«Токката» Баха звучит все величественнее. Мне нравится эта музыка, и я присоединяюсь к своей служанке за органом. Меня завораживает бег десяти ее пальцев по клавишам, ее

руки напоминают двух жирных розовых пауков.

Мне уже знаком голос Марии Каллас, певшей «Каста Дива» Беллини, знакома «Весна» Вивальди, звучавшая у моей служанки на Монмартре, а теперь я постигаю «Токкату» Баха. От этих мощных звуков у меня вибрирует грудная клетка, вся я, включая хвост, мелко дрожу. Невероятно, что вытворяет с организмом музыка!

Слушая орган, я чувствую себя все лучше. Я восхищена своей служанкой Натали. Внезапная вспышка вдохновения побуждает меня расхаживать по клавишам и мяукать. Расчет на то, чтобы изобрести таким способом первое музыкальное произведение для человека и кошки.

Но мое вмешательство вынуждает исполнительницу прерваться. Она берет меня на руки, гладит. Это немного обидно: мне хотелось играть, но она снова меня недооценила, отнеслась как к плюшевой игрушке, не понимая, что на самом деле имеет дело с маленькой львицей.

Мы – я и мое достоинство – предпочитаем ретироваться, чтобы вместе с другими кошками исполнить популярную на Монмартре песню, которую не сыграть никому из людей.

Молодежь разжигает большой костер, и все принимаются плясать под веселую музыку. Сначала танцуют только юноши и девушки, потом к ним присоединяются кошки, старающиеся подражать их движениям и как можно дольше удерживаться на задних лапах.

Ко мне подходит пепельно-серый кот Вольфганг со сло-

вами:

– Лично для меня гастрономическое искусство интереснее музыкального и танцевального.

И он делает мне предложение, которое имеет отношение не к еде, а к столь необходимому всем питью, – интересуется, не желаю ли я попробовать самый изысканный напиток людей, шампанское.

– Тебе нравится икра? Ну так шампанское – ее жидкий эквивалент, в шкале ценностей людей оно занимает второе место.

Пифагор просит Натали найти для нас шампанское. Она принимает вызов, раскапывает в какой-то брошенной квартире бутылку и наливает мне фужер. Икра была мне по вкусу, поэтому я доверяю Натали и, не позаботившись приняться, делаю большой глоток. С шампанским все просто: оно смахивает на мочу и имеет такой же вкус! Разница только в пузырьках, щекочущих нёбо и глотку. Ну и в головокружении. Я отхаркиваюсь. Вольфгангу это кажется забавным, он подбивает меня продолжить:

– Пей, не останавливайся. Вот увидишь, в конце концов тебе понравится. Ты мало выпила, поэтому и морщишься.

Я решаю последовать его совету, как ни причудливы его доводы, и делаю еще несколько глотков. Удовольствия как не было, так и нет. Голова все сильнее идет кругом, я качаюсь, перед глазами все плывет, в голове муть.

– Ну как? – интересуется Вольфганг.

– Ничего хорошего. Мозги дали трещину.

– Тебе приятно?

– Нет, такое впечатление, что мысли мне уже не принадлежат. Похоже на эффект кошачьей мяты, только сильнее. Мне не нравится, когда мои мысли мне неподконтрольны. Все, хватит с меня этого твоего яда!

Пепельно-серого моя реакция почему-то умиляет.

– Говорю же: ты мало выпила. Надо продолжить. Не останавливайся! Выпей весь фужер. С этого начинал каждый новый день президент республики. Это напиток напитков, от него рождаются умные мысли.

Я его больше не слушаю, ощущая неудержимый рвотный позыв, и тороплюсь хлебнуть воды, чтобы разбавить мерзкую жижу, разбалансировавшую мое тело и разум.

10. Различия между кошками и людьми

Кошки и люди по-разному относятся к одним и тем же вещам.

Взять хотя бы еду: кошка ест, когда голодна, а человек – когда наступает время завтрака, обеда, ужина. Поэтому кошка может есть десять раз в день или ни разу, человек же ест трижды в день, даже когда не голоден. Когда желудок кошки полон, она перестает есть, а человек продолжает – по привычке. От соленого, сладкого и жирного человек испытывает удовольствие, никак не связанное с насыщением. Вид, цвет и даже цена пищи могут пробудить у него аппетит, хотя организм не испытывает потребности в еде.

Различаются человек и кошка также периодами активности: человек днем деятелен, а ночью отдыхает, кошка же активна тогда, когда у нее есть на то желание, и отдыхает, когда чувствует утомление.

Человек в итоге часто болеет, потому что неправильно питается и устает, а кошка, привыкшая прислушиваться к своим истинным желаниям, находится в гармонии с потребностями своего организма.

Поговорим об органах чувств, по-разному применяемых кошками и людьми.

Звуковой спектр, воспринимаемый людьми, гораздо бед-

нее. Если кошка слышит ультразвук частотой до 50 000 герц, то человеческое ухо ограничено величиной 20 000 герц.

У кошки обоняние развито в 40 раз лучше, чем у человека: у нее не менее 200 миллионов обонятельных рецепторов, тогда как у человека их только 5 миллионов.

Поле зрения у человека равно 180 градусам, а у кошки – 280 градусам, к тому же люди не видят в темноте. У людей, в отличие от кошек, нет третьего века, так называемой мигательной мембраны – тонкой прозрачной кожицы, идущей от внутреннего уголка глаза (она позволяет отфильтровывать некоторые солнечные лучи и препятствует ослеплению).

У кошек есть особый орган Якобсона, позволяющий различать запахи на вкус, раздвигая рот и пропуская воздух в два канала, расположенные позади резцов.

Кроме того, кошки улавливают малейшие колебания в воздухе, тогда как люди, лишенные вибрисс, воспринимают только звуки и зрительные образы. Любое бесшумное событие за спиной остается для людей, в отличие от кошек, незамеченным.

*Энциклопедия относительного и абсолютного знания.
Том XII*

11. Похмелье

Не знаю как вы, а лично я не создана для шампанского. От человеческого напитка, употребленного вчера вечером, у меня часами раскалывалась голова и пучило живот. Мне даже пришлось вскочить посреди ночи. Похоже, если наслаждаться музыкой и гастрономией, этими двумя видами искусства одновременно, то их воздействие на мою пищеварительную и мыслительную систему оказывается крайне нежелательным.

Проснувшись, я уже не могу уснуть, потому покидаю комнату органиста собора Парижской Богоматери (я уснула там, прижавшись теплым комком к своей служанке). Спускаюсь по лестнице и выхожу на паперть.

Там я мочусь – надо же избавиться от подозрительной жидкости.

Затем я прохаживаюсь в одиночестве по острову Сите, в этот ночной час совершенно пустынный. Почти все мои мысли о нашем невероятном везении – о подвернувшемся нам хорошо защищенном месте, где кошки могут спокойно готовиться к «послечеловеческой» эре.

Я размышляю также о вероятном пересмотре моего прежнего отношения к прямохождению и к ношению одежды. То и другое всегда казалось мне ошибочным, но теперь я не исключаю, что именно этим объяснялся, в частности, прогресс

человечества.

Меня мучает жажда. Нужно хлебнуть чистой водички, чтобы забыть о неприятном воздействии шампанского и очистить кишечник. Кажется, я видела фонтанчик питьевой воды в метро.

Нахожу вход, спускаюсь по лестнице и вижу фонтанчик, который можно привести в действие нажатием на клавишу. Мне это вполне под силу. Наконец-то живительная влага!

Но меня внезапно настораживает непонятный звук. Я ловлю звуковые волны левым ухом (оно у меня более чуткое) и определяю происхождение ночного звука. Похоже на царапанье по камню. Через секунду-другую звук прекращается, но вскоре раздается опять. Доносится он, без сомнения, из-под лестницы.

Я медленно и бесшумно спускаюсь по ступенькам и оказываюсь перед кирпичной стеной, сложенной нашими слугами-людьми, чтобы перекрыть вход на станцию. Здесь царапанье слышно лучше. По кирпичу явно трут чем-то твердым и острым. Звук отчетливый, даже назойливый.

– Кто здесь? – мяукаю я.

Звук тут же прекращается. Я жду. Звук возобновляется. Я снова мяукаю:

– Вы меня слышите?

Опять тишина.

Я больше не сомневаюсь, что за стеной кто-то скребется. У меня возникает предположение об утечке воды из ржавой

трубы, но прекращение звука в ответ на мое мяуканье подчеркивает эту гипотезу.

Я напрягаю все органы чувств для анализа явления. Появляется новая мысль: в систему вентиляции засосало воробышка.

– Кто здесь?

Я прижимаюсь к стене ухом и силюсь представить, что за форма жизни за ней теплится.

И тут стена полностью обрушивается, а из груды обломков выскакивают жирные черные крысы – и не одна-две, а целые сотни!

Инстинкт подбрасывает меня к потолку. Я выпускаю когти и цепляюсь за любые шероховатости и выступы, чтобы не упасть вниз.

Подо мной течет зубастый шерстистый поток, меня никто не замечает. Крысиное полчище мчится по тоннелю метро с явной целью выбраться на поверхность.

До меня наконец доходит: *крысы прогрызли кирпичный заслон.*

Дождавшись, пока крысиный поток иссякнет, я бегом возвращаюсь в собор, там поспешно забираюсь на северную башню и жму на красную кнопку, которую мне показал Пифагор. Необходимо как можно скорее поднять тревогу.

Колокола начинают раскачиваться, и я глохну от их звона.

Весь Рай разом просыпается. Снова я прислушалась к своему инстинкту и не прогадала.

– КРЫСЫ! КРЫСЫ! – ору я сверху.

Мне видно, как крысиная стая заполняет наш Рай.

Они прорвались! Надо срочно их перебить.

– Скорее найдите Ганнибала! – мяукаю я.

Кошки внимают моему призыву и будят льва, сбежавшего из цирка в Булонском лесу. Не знаю, в курсе ли вы, что спящие львы даже больше нас чувствительны к щекотке. Возможно, размеры усложняют их пищеварение, во всяком случае, они терпеть не могут, когда их тревожат во сне. Не хотелось бы мне оказаться крысой перед носом у грубо разбуженного льва! Разгневанный Ганнибал преграждает путь вражеской армии и издает такой могучий рык, что первые шеренги атакующих застывают в ужасе. Лев принимается месить крыс своими лапищами, его длинные когти оставляют в плотной крысиной массе кровавые борозды, челюсти перемалывают грызунов без счета. Напирающие сзади оказываются в его пасти после тех, кто попал ему на зуб первыми.

Кошачьему подкреплению за львиной спиной не приходится вступать в бой. Остается стоять неподвижно и восхищаться неукротимой силой Ганнибала.

Столкновение (если это можно так назвать) длится считанные минуты, от грозной армии грызунов остается гора трупов, как разорванных, так и целых.

– Bravo, Ганнибал! – мяукаю я. – Покажи крысам, что им здесь не место!

К полю боя спешат люди, но они замирают в отдалении из

страха, что их зацепят львиные когти или чумная зараза. В конце концов уцелевшие крысы пытаются отступить к реке.

Но тут мои соплеменницы, предвидевшие такой маневр, преграждают им путь.

– Не убивайте всех до одной! – мяукаю я. – Попробуйте взять пленных!

Но в кошачьем кольце к этому моменту, как я вижу, остается всего одна крыса.

Я вынуждена предпринять отвратительный мне самой шаг: вступить в бой со своими соплеменницами, чтобы спасти уцелевшего врага.

– Возьмитесь за ум! Надо сохранить ей жизнь, чтобы выведать сведения о других крысах. Если вы ее прикончите, то будет потеряна бесценная информация.

Я приглядываюсь к спасенному мной зверьку. Это здоровенная темно-серая крыса с черными глазками и белыми резцами, длинными и острыми, она вся дрожит от страха. Мне слышно, как клацают ее челюсти. Ее нетрудно понять: наверное, раньше она знать не знала о существовании львов. Представляю, что было бы со мной, если бы я очутилась перед крысой, вдсятеро превосходящей меня размерами; в такой ситуации даже я, при всем своем бесстрашии, оцепенела бы от ужаса.

Я раздумываю, как разговаривать с пленной. Я крысиным наречием не владею. Лучше остальных должна справиться с этой задачей Патриция, которая уже готовится: пьет особый

травяной настой и погружается в транс. Тот же настой насильно вливают крысе. Обе как бы засыпают, только дрожь ресниц и чуть заметные движения ртов свидетельствуют о безмолвном диалоге.

Наконец Патриция открывает глаза и показывает жестом, что добыла желаемые сведения. Она записывает то, что поняла, передает записку Натали, та – Пифагору, а тот доводит сведения о крысах до всех кошек.

После разгрома на Лебедином острове оставшиеся в живых крысы бежали и собрались на юго-западе Парижа. Там произошло нечто вроде разбора полетов: крысиный царь Камбис был вынужден объяснять всем остальным причину военного поражения. Ему поставили в вину плачевный результат в условиях численного превосходства и умения плавать – то и другое вроде бы должно было гарантировать победу.

Камбис попытался оправдаться, но безуспешно. Его главенствующее положение было поставлено под сомнение. Самцы объявили его виновным в провале атаки на Лебедином острове. Царь должен был за это поплатиться.

Вскрыв ему череп, но не умертвив, они сожрали теплый трепещущий мозг. У нас врагов съедают, чтобы пропитаться их силой; крысы же сожрали своего вождя с целью позаимствовать его ум. После этой ритуальной казни доминантные самцы устроили дуэли, определяя преемника. Командовать ими был достоин только сильнейший.

Воины бились не на жизнь, а на смерть, уцелеть должен был всего один. Чтобы выявить самого достойного предводителя, крысы были готовы принести в жертву самых прославленных своих бойцов.

Наконец определился абсолютный победитель.

Как ни странно, им оказался не самый большой, не самый толстый, не самый мускулистый самец, и он не обладал самыми длинными резцами и самыми острыми когтями. Нет, триумфатор был невелик, с белой шерстью и красными глазами. По уверениям нашего информатора, с ним была связана легенда.

Этот самец якобы пожил у людей, ставивших над ним опыты. Он прошел через страшные испытания, но выжил, проявив необыкновенную выживаемость и приспособляемость.

Новый вожак обладал завидным спокойствием. Свой невзрачный вид он компенсировал в бою талантом превосходить любой замысел неприятеля. Он угадывал слабые места противника и наносил молниеносный разящий удар. И еще у него всегда оставалось время в запасе.

Так эта мелкая белая крыса с красными глазами возобладала над остальными претендентами. Одержав победу, вожак объявил, что ненавидит людей за зло, которое они ему причинили, и рассчитывает перебить их всех до одного, чтобы само их существование было забыто. С такой же силой он ненавидел собак и кошек, полностью лишенных, по его

мнению, гордости и ставших рабами людей.

Он гарантировал своему племени, что люди и кошки, участвовавшие в бою на Лебедином острове, понесут суровое наказание за нанесенное крысам оскорбление, и ни один человек и ни одна кошка не посмеют даже попытаться повторить свой успех.

Пленный показал, что во лбу у нового крысиного царя зияет дыра – порт для подключения к человеческим компьютерам, то есть ко всем знаниям прежнего человечества.

Ничего себе, и у этого есть «третий глаз»!

Ознакомившись с историей человечества и с его главными предводителями, новый крысиный царь взял имя прославленного воина прошлого, с которым он вздумал сравняться, – Тамерлан.

Пленный подтвердил, что белый красноглазый самец, став новым крысиным царем, сумел объединить все окрестные стаи в одну, бурую. Она закрепилась в большом доме на западе Парижа, из которого Тамерлан организует следующее крысиное нашествие.

Скоро бурая стая явится сюда, разбитый ночью отряд был разведывательным. Задачей несметной крысиной армии будет полное уничтожение всех и вся. Показания завершались мнением о невозможности остановить Тамерлана с его бурой ордой.

Воспользовавшись ротозейством охраны, пленный совершает побег. Мы кидаемся за ним вдогонку, но он успевает

забраться на одну из башен собора Парижской Богоматери, прыгает оттуда вниз и разбивается о паперть. Я ошеломленно спрашиваю:

– Зачем он так поступил?

– Он фанатик. Решил, вероятно, пожертвовать собой, чтобы ничего больше нам не сообщать, – отвечает Пифагор.

– Почему тогда он не сделал этого раньше?

– Потому что хотел сообщить нам о наступлении Тамерлана с бурой ордой. Его целью было посеять страх.

Говоря это, сиамец невольно подергивает кончиками ушей.

Он бредет в комнату Натали, я следую за ним. Он хватает лапами USB-кабель и подключает к своему «третьему глазу». Я знаю, что он входит в Интернет. Вижу, как он сосредоточен; отключив кабель, он не может не скорчить гримасу.

– И что? – осторожно спрашиваю я.

Он проводит по морде лапой, словно желая избавиться от информации, проникшей ему в мозг.

– Я узнал по Интернету, кем был человек по имени Тамерлан.

12. Тамерлан (часть первая)

Тамерлан (Тимур) был самым жестоким и кровавым завоевателем Средневековья. Его имя связано с цепью «исторических случайностей»: такое впечатление, что он всю жизнь воевал не ради создания империи, а просто из удовольствия умертвить самыми чудовищными способами как можно больше людей. Тамерлан родился 8 апреля 1336 года близ города Кеш (Узбекистан). В результате сложных родов он появился на свет с окровавленными руками. Некоторые потом объясняли его склонность к убийствам именно этим.

Его отец был принявшим ислам предводителем монгольского клана. Легенда гласит, что он назвал сына Тамар, потому что пришел показать новорожденного местному шейху, когда тот читал Коран и прервал чтение на слове «тамару» – «потрясение». Суффикс – лан (по-монгольски «хромой») был добавлен к имени позднее, так как Тамерлан получил в бою ранение и охромел.

В 16 лет Тамерлан вступил в тюркскую армию, предводитель которой по имени Казган отличился только тем, что убил последнего хана из местного монгольского племени. Казган учил его искусству политики, напоирая на то, что двуличие, измена, заговор и убийство – необходимые ступени при подъеме по лестнице власти.

В 36 лет Тамерлан примкнул к своему брату Хусейну, за-

хватил вместе с ним Самарканд, а потом его отравил, чтобы править единолично. Но он недолго оставался в своей новой столице: вскоре собрав огромную армию, повел ее завоевывать соседние страны. Тридцать последующих лет он утолял свою жажду разрушения, кровопролития, грабежа, пыток и массовых казней.

По свидетельству собственных официальных историков Тамерлана, он шел на бой как на праздник. Он командовал войсками не как стратег, а следуя вспышкам гнева и руководствуясь безумными капризами. Оружием ему служила палица с утолщением в виде бычьей головы, и покрывал ее толстый слой засохшей крови жертв.

Тамерлан грезил о воссоздании монгольской империи Чингисхана. Он хотел, правда, чтобы она была мусульманской и несравненно более обширной, поэтому именовался не ханом, а султаном.

В 1380 году он завладел Ираном, в 1386-м – Ираком и Грузией, а в 1389 году отправился в поход против монгольской Золотой Орды, где правил потомок старшего сына Чингисхана.

После победы над ним Тамерлан полностью опустошил область Астрахани, атаковал Москву, разграбил Крым. Всюду, куда приходил, он повелевал хватать воинов-христиан и публично казнить максимально болезненными способами, раз за разом изобретая новые пытки, чтобы устрасить побежденных.

Например, в Пакистане в 1383 году он велел сделать кладку из 2 тысяч живых пленников и соорудить минарет.

В 1387 году в Исфахане он, подавляя бунт, надумал сложить у городских ворот несколько пирамид из черепов 70 тысяч казненных по его приказу пленных.

В 1398 году, покоряя Индию, он, захватив Дели, приказал зарезать 100 тысяч пленных, заявив: «Я хотел избавить население от этой муки, но Аллах решил иначе».

В 1400 году в Багдаде он приказал каждому из своих солдат принести по голове случайно встреченного местного жителя. Получив таким способом 90 тысяч черепов, он построил 120 башен, на каждую из которых пошло по 750 черепов. Перед уходом из города он отдал приказ спалить его, а потом сровнять с землей.

В 1402 году, дойдя до Анкары, он оказался лицом к лицу с османским султаном Баязидом I. Тот, тоже мусульманин, был его главным соперником по части завоеваний и истребления неверных. Он уже прошел огнем и мечом по Болгарии, Сербии и Греции, перебив там все христианское население. Сражение двух полководцев при Анкаре длилось целый день, в нем одном, по свидетельству историков того времени, погибло миллион человек. Тамерлан встретил наступление ночи победителем. Он пленил Баязида I и обрек на медленную смерть, посадив в маленькую клетку, подвешенную под потолком своей трапезной. Баязид умер от голода, наблюдая за пирами своих врагов.

Энциклопедия относительного и абсолютного знания.
Том XII

13. Спокойные дни в Раю

Небо светлеет. После отражения ночной атаки жизнь на острове Сите возвращается в спокойное русло.

Люди, наши слуги, снова замуровывают тоннель, ведущий в метро, и монтируют бронированную стальную дверь, унесенную из банка. Замок двери может открыть только тот, кто знает комбинацию цифр.

Идут дни, до нас добирается вплавь все больше людей. По мере роста населения мы все надежнее защищаемся от возможного нападения. Всего за неделю кошек становится 3000, людей – 500. Ожидание нападения усиливает нашу сплоченность, все мы отлично ладим.

Для улучшения нашего самочувствия Эсмеральда набирает смешанный хор из кошек и людей и учит их вместе мяукать, пользуясь отменной акустикой под сводами собора Парижской Богоматери.

Она делит хористов на три группы и распределяет между ними партии разной тональности. Пифагор подсказывает, что это называется «канон».

Я участвую в одном из сеансов такого коллективного мяуканья. Удивительно, что совершенно разные голоса сливаются в единый звук. Сиамец называет это вибрирующим облаком звуков – этаким эгрегором – и говорит, что звуковой конденсат сродни ментальному.

Мне невдомек, о чем это он, но мы формируем учебные классы, где каждый из нас дает те или иные уроки.

Ганнибал, например, преподает искусство рычания. Он утверждает, что вся хитрость состоит в том, чтобы производить звук животом, используя свою грудную клетку как резонатор, тогда и получается максимально низкий звук.

Потом лев делится с нами основами боевого мастерства. Показывает, как выпускать когти, превращая их в разящие клинки, как вцепляться врагу в глотку, чтобы кровь брызнула фонтаном.

Пифагор присваивает этому новому виду боя название «кош-кван-до», то есть кошачье искусство боя.

Мой сын Анжело, горячий поклонник льва, проявляет себя внимательным учеником.

– Я нащупал свой путь в жизни, мама, – объявляет он мне.

– Слушаю тебя.

– Больше всего я люблю... насилие.

Ох, уж это юное поколение, от него одни неприятности.

– Не мели вздор, сынок.

– Нет, мама, Ганнибал показал, в чем мой талант. Я люблю драться. Знаешь, я в душе тоже вождь.

И он принимается рычать – думает, я буду впечатлена. Но я недовольно отвечаю:

– Учти, Анжело, нельзя просто так взять и стать вождем, для этого недостаточно одного твоего желания. Ты должен внушить другим мысль, что тебе это по силам. Если у тебя

получится, все охотно признают тебя вожаком.

– Думаешь, я недостаточно силен, чтобы внушить другим эту мысль?

В доказательство своей мощи Анжело демонстрирует движения из кош-кван-до.

– Послушай, сынок, я очень тебя люблю, но думаю, что тебя очень украсила бы скромность. Посмотри на меня: меня уважают именно за то, что я не демонстрирую всем вокруг свою силу. Начнешь драться – покажешь свою слабость.

– Но, мама, не проявив силы, не выиграешь.

– Насилие – последний довод глупцов.

– Я с тобой не согласен. Наоборот, насилие, как я считаю, – это лучший способ убедить всех в своей правоте.

Пусть Анжело мне сын, но чувствую, что он выводит меня из себя. Не иначе, дело в дурном влиянии Эсмеральды, нерадивой приемной мамы. Рано или поздно мне придется забрать у нее своего сына и научить уму-разуму.

Но не прямо сейчас. Позже. Сейчас мне пора давать урок.

Во вполне безмятежной манере я учу другую группу молодых кошек, в основном женского пола, врачеванию посредством простого урчания.

– Для начала надо уловить негативные волны, излучаемые больным, а потом производить противоположную вибрацию, служащую им противовесом.

За теорией следует практика: одна из моих учениц как раз жалуется на боль в животе, вот я и принимаюсь урчать ря-

дом с ней с частотой 19 герц, постепенно повышая интенсивность. Я замечаю, что мой метод эффективен примерно при 24 герцах, поскольку моя ученица, мучавшаяся запором, сообщает, что неприятное ощущение в кишках прошло.

– Вот видите! Все очень несложно.

Работают и совместные кошачье-человеческие курсы, их ведет Патриция, приглашающая всех желающих.

Лично у меня возникло впечатление, что мои обычные сиесты вполне заменяют медитацию, но шаманка учит сидеть, выпрямив позвоночник и скрестив задние лапы; по ее уверениям, именно так лучше всего получается осознавать собственные мысли.

Она показывает нам жестами, что не надо путать успешную медитацию со сном. У меня, правда, медитация всегда переходит в дрему. Не помню, говорила ли я вам уже, что ужасно люблю поспать. Когда спишь, снятся такие захватывающие сны!

Я продолжаю обход классов.

Пифагор делится своими знаниями о мире людей. Он преподает тем, кому это интересно, азы геометрии. Упоминает знаменитую теорему Пифагора, в которой я, честно говоря, ничего не могу понять. «Квадрат гипотенузы» – нет, для меня это чересчур. Он упоминает также тему, которая, судя по собранной им информации, имела огромное значение для его тезки-человека, – реинкарнацию. По его словам, у всех нас, кошек, по девять жизней, так что кошка, умирая,

возрождается в теле нового, совершенно другого котенка.

Если верить в теорию реинкарнации, я родилась, умерла, снова родилась, снова умерла – и так много раз. Мне любопытно, которую из своих девяти жизней я проживаю сейчас.

Так или иначе, от этой мысли у меня рождается чувство, что я старше, чем ощущала себя раньше. Получается, даже в случае смерти я не умру по-настоящему, ведь мой дух возродится в другом обличье и в другом месте.

Пифагор демонстрирует так называемый регрессивный гипноз. Эта практика заключается в том, чтобы, напрягая всю свою духовную силу, увидеть свои забытые прошлые жизни. Курс подразумевает практические упражнения. Я пробую – безрезультатно. Ладно, я все равно не слишком поверила в эту его реинкарнацию, поэтому перехожу к реальным делам.

Я жду завершения его урока, чтобы поговорить. Чем действительно может гордиться этот сияец, так это своим обширным словарным запасом. Он растолковывает мне тонкие абстрактные понятия, которые я сама ни за что не ухватила бы. Благодаря ему мне удастся найти слова, чтобы выразить нюансы чувств и мыслей, имеющих отношение к малодоступным для меня сферам. Так я постигаю силу чужой сложной мысли и все увереннее выражаю собственные, не огорчаясь, когда приходится спотыкаться.

Как мне нравится открывать новые слова! Взять хотя бы это: «ностальгия» – сожаление о том, что настоящее проиг-

рывает прошлому. Или «гармония» – ощущение, что все находится на своих местах. Отжившим называют то, что устарело из-за стремительности прогресса. Невротиком – того, кто вследствие пережитой в детстве психической травмы не способен объективно воспринимать реальность.

Для меня любое редкое слово – духовное лакомство. Мне ясно, что в жизни тот, чей словарь обширнее, расширяет свое сознание более успешно, чем обладатель скудного словарного запаса.

Вольфганг, прежде домашний кот у главного человека, президента, преподает нам хорошие манеры: учит, как прилично и чисто слопать мышку. Заодно он делится с учениками основами гастрономии.

Оказывается, сухой кошачий корм бывает двух сортов: высокого и низкого качества. Об этом говорят запах, звук, раздающийся при разгрызании, вкус во рту.

Вольфганг учит нас есть без спешки и без шума – у людей это называется «хороший тон».

Вечером мы развлекаемся: играем под не потухшими еще фонарями в игру, которую я называю «кошкин мяч». Две команды, по одиннадцать кошек в каждой, играют друг против друга на прямоугольной площадке – обычно это перегороденная с обоих концов улица. Это похоже на человеческий футбол, с той разницей, что вместо мяча у нас заранее подобранная судьей живая мышь. Этот «мяч» движется сам по себе. Цель игры в том, чтобы команда напугала мышь и за-

ставила ее пересечь линию ворот команды соперников.

Не знаю, играли ли вы уже в «кошкин мяч», если нет, попробуйте. Только мышь надо время от времени менять, иначе она так устанет, что испортит всю игру.

Хотите, чтобы мышь-«мяч» всегда была в отменном состоянии, – вот вам мой совет: пускай команда, забившая гол, получит право съесть побывавшего в воротах грызуна. После этого пропустившая гол команда ищет новый «мяч».

Вот как протекают на острове Сите наши дни – за учебой и развлечениями. Я все дороже ценю жизнь в этом кошачье-человечьем Раю.

Человеческая молодежь наладила свой быт; Анжело, Натали и я заняли комнату, где когда-то ночевал органист собора.

Каждый день к нам прибывают все новые кошки и люди, они просят их приютить, и мы никому не отказываем, потому что чем нас больше, тем крепче наш оптимизм.

Пифагор и Натали при помощи нескольких молодых людей, сведущих в информатике, стараются совершенствовать общение кошек и людей. Им уже удалось значительно улучшить контакт между сиамцем и моей служанкой.

Они сконструировали маленький прибор для волновой связи и вставили его в «третий глаз» Пифагора. Параллельно они пишут программу перевода мяуканья на человеческий язык и человеческого языка на мяуканье.

Теперь Пифагору достаточно высказываться на кошачьем

языке. Сказанное улавливается прибором в его «третьем глазу», переводится в человеческие слова и отправляется Натали. Та слышит в своих наушниках уже человеческую речь и отвечает по-человечьи, а ее речь потом переводится на кошачий язык. Миниатюризация доведена до предела. Энергия поступает от плоской панели, улавливающей солнечные лучи. Сам черный блестящий прибор имеет размер кошачьего глаза.

Всякий раз, используя прибор, мы немного улучшаем его. Так эти двое создали первый мостик для естественного общения. Теперь они ведут диалог так, словно принадлежат к одному и тому же виду.

Я забираюсь на горгулью, ко мне присоединяется Пифагор.

– Как же я тебе завидую! Мне тоже очень хочется болтать со своей служанкой.

Крепчающий ветер приглаживает мою черно-белую шерсть. Я люблю наш остров. Листья на деревьях уже приобретают желтый, красный и коричневый оттенки. Я ностальгически мяукаю:

– Я не заметила, как пролетело время...

– Тем не менее дни складываются в недели, недели в месяцы – вот и осени конец. Скоро зима. Будет все холоднее.

– Думаю, мы с тобой сделали важное дело, Пифагор.

– Лучшее впереди, Бастет.

– Я никак не могу забыть об угрозе, исходящей от Тамер-

лана. Что проку от нашего Рая, если простая белая красноглазая крыса может его захватить и все разрушить, потому что у нее преимущество в численности и силе.

Он кивает, словно хочет сказать, что страх не помогает избежать опасности.

14. Тамерлан (часть вторая)

Убивая и грабя, Тамерлан создал огромную империю. При этом он не позволял упоминать в его присутствии о средствах, к которым прибегал, строя из себя поборника хорошего вкуса и утонченных манер. Ему нравилось щеголять в роскошных одеяниях, в сражение он вступал, облачившись в шелка и украсив наряд драгоценностями.

Мня себя эстетом, он, перебив население Дамаска, пощадил и забрал себе всю местную творческую элиту. Лучшие архитекторы, ювелиры, скульпторы, портные, живописцы покоренных стран возводили и украшали его столицу, символ его славы – Самарканд. Разрушая очередной крупный город, он вывозил оттуда произведения искусства и строительные материалы: драгоценные камни из Дели, скульптуры и фрески из иранских, сирийских, русских, китайских городов.

Но, командуя ударной силой из кочевников, он не был расположен управлять завоеванными городами.

Он истреблял мирных жителей, опасаясь, что уцелевшие члены семей станут мстить. После каждого вторжения он отравлял колодцы, сваливая туда трупы, чтобы их гниение отравляло воду. Он разрушал системы орошения. Из ненависти к оседлой жизни и к крестьянству он засыпал пашни солью, превращая плодородные поля в пустыни.

Он уже готовился вторгнуться в Западную Европу, но тут его погубила банальная простуда: в 1405 году в возрасте 69 лет Тамерлан скончался.

После этого 18 его детей принялись оспаривать друг у друга право на отцовскую империю с оружием в руках. Из-за этого рухнуло все им построенное. Империя Тимуридов не пережила смерти своего основателя.

На совести Тамерлана, разорившего Среднюю Азию, Дальний Восток и Центральную Европу, 17 миллионов жизней, 5 процентов жителей земли, где насчитывалось тогда примерно 350 миллионов.

*Энциклопедия относительного и абсолютного знания.
Том XII*

15. Крушение иллюзий

«Если долго не возникает проблем, это значит, что скоро грянет большая беда», – говаривала моя мамаша, склонная тревожиться по любому поводу.

Солнечным ветреным днем колокола собора Парижской Богоматери начинают настойчивый перезвон.

Поднята тревога, и на сей раз не мной. Я боюсь, что из-под земли опять вылезли крысы, но нет, случилось кое-что еще.

Я бегу в собор и залезаю на готгулью, с которой, как с вышки, открывается широкий обзор. Отсюда мне видно, что послужило причиной тревоги.

Берега реки кишат крысами. Их не сотни, а десятки тысяч. Ко мне присоединяется Пифагор.

– По-моему, они не нападут, – говорит он.

– Почему?

– Если их вожак умен, он извлек урок из неудачи их первой разведывательной вылазки. Я даже думаю, что это и было тогда целью – проверить надежность нашей обороны и узнать, как быстро мы реагируем на нападение. Потерпев поражение, они поменяли стратегию. Сейчас они прибегнут к тому, что на языке людей зовется осадой.

– Это как?

– А так: будут бездействовать и ждать, пока неприятелю изменит терпение. Они останутся на месте, но начнут пре-

пятствовать подвозу провианта. Их цель – обречь нас на голод и принудить сдаться без боя. Они рассчитывают на время, на свое терпение и на наш голод.

– Раз так, я не вижу проблем, нам не грозит нехватка еды, вон сколько в реке рыбы!

Сиамец поводит ухом в сторону востока, и я вижу перегородившую реку плотину.

– Я только что это заметил. Крысы построили ее рано утром, они пускались вплавь, неся в зубах щепки от разломанной мебели.

– Им не остановить реку, тем более такую широкую, как Сена.

– Посмотри внимательнее, тогда увидишь.

Терпеть не могу, когда он напускает на себя такой высокомерный вид и корчит из себя кота-всезнайку. Я смотрю в указанную им сторону и различаю великое множество грызунов.

– Теперь они могут нырять с плотины и убивать рыбу, не пропуская ее в нашу сторону. Так они лишат нас еды.

– Тогда мы будем добывать рыбу выше плотины.

– Это вряд ли.

Поводя другим ухом, Пифагор призывает меня посмотреть в противоположную сторону. Я поворачиваюсь на запад и убеждаюсь, что крысы и там умудрились возвести за ночь такую же плотину.

Теперь я начинаю понимать, в чем заключается тактика

осады. Мой оптимизм теряет почву. Пифагор подбавляет пессимизма:

– Время будет играть в их пользу. Они не торопятся.

– Мы станем сопротивляться. Нас много.

– В ближайшие дни помощи ждать не приходится. Ни один человек и ни одна кошка больше к нам не попадут.

От огорчения я широко разеваю пасть и начинаю громко пыхтеть и хрипеть – это мой способ показать, что я готова рвать и метать и долго сдерживаться не смогу.

Пифагор предлагает способ успокоиться – заняться любовью, но мне совершенно не до этого. То, что нас взяли в клещи и лишили возможности нанести ответный удар, совершенно меня угнетает.

Вечером я пытаюсь успокоиться при помощи медитации. Вспоминаю советы Патриции: принять позу лотоса, сложив перед собой лапы (как это ни больно), выпрямить спину, откинуть назад хвост (это для стабилизации) и замедлить дыхание – тогда якобы на меня снизойдет спокойствие.

Ничего не получается. Надо будет открыть глаза на несовершенство этого метода другим кошкам.

Медитация сродни шампанскому: людям годится, а кошкам – нет.

Я наблюдаю за заходящим солнцем, ощущая приступ разочарования, даже горечи. В глубине души я знаю, что все хорошее уже позади и что безмятежности нашего Рая угрожает беда.

Анжело, увидев меня, начинает урчать – хочет подбодрить.

Не знаю, в какую авантюру я тебя втравила, сынок. Хочется надеяться, что все кончится хорошо.

Я не смею ему сказать, что мне повезло родиться в хорошее время, я успела насладиться комфортом и безопасностью, тогда как следующее поколение, к которому принадлежит он, обречено на невеселое будущее.

– Может, взять да и перебить всех этих крыс? – предлагает мне сын.

– Нет, Анжело, уж больно их много. У нас нет ни малейшего шанса одержать верх.

– Я владею кош-кван-до, мама, буду разить их сотнями!

– Их десятки тысяч. Ты быстро выбьешься из сил.

– Прошу, мама,пусти меня, мне не терпится начать их убивать!

– Иди спать.

– Когда стану вожаком, то не буду трусить. Я не побоюсь войны с нашими врагами.

– Правильно. А теперь – спать.

Когда же молодежь повзрослеет? Я, конечно, ничего не имею против насилия, если оно приносит пользу и эффективно, но в данном случае кинуться в бой значило бы совершить самоубийство. Проблема молодых в том, что они стремятся побыстрее получить удовольствие (Анжело, к примеру, нравится убивать), не думая о последствиях. Но в долго-

временной перспективе за насилие приходится дорого расплачиваться. Внутренний голос подсказывает мне, что выгодным бывает только мир.

Натали берет меня на руки и ласково гладит. Чувствую, ей тоже беспокойно. Я лижу ее подбородок, сую голову ей под мышку, нюхаю ее пот – этот запах мне все приятнее. При этом я не перестаю думать.

Мой вывод таков: надо собраться всем вместе и принять коллективное решение.

Я высвобождаюсь из объятий служанки, спешу на паперть, предупреждаю нескольких кошек, и они бегут за остальными. Собрав вокруг себя внушительную толпу, я веду ее на площадку между хорами и поперечным нефом собора.

Мы не зовем людей, потому что не хотим тратить время на перевод Натали или Патриции (между нами говоря, их запах мешает мне думать).

В первом ряду два десятка старых кошек, по большей части бывших обитательниц квартир и водосточных канав, участниц боя на Лебедином острове, знающих, что нам пришлось пережить, прежде чем обрести свой Рай.

Мы переглядываемся. Никто не осмеливается заговорить первым, поэтому я решаюсь сама открыть дебаты.

– Возможно, вы удивитесь, но на данном этапе решения нет даже у меня, – торжественно начинаю я.

– Что если попытаться прорваться? – предлагает Эсме-

ральда.

– Отличная мысль! – радуется Анжело. – В атаку!

Лучше бы он помалкивал. Напрасно я его привела.

Я вздыхаю и с недовольным видом кручу головой. Не люблю повторяться. Понятливый Вольфганг переводит:

– Их слишком много.

– Что же нам делать? Бежать? – спрашивает Пифагор.

– Куда? Враг контролирует ближайшие берега, – говорю я. – И выше, и ниже по течению все перекрыто. Мы окажемся еще в большей опасности, чем на нашем укрепленном острове. Если крысы останутся на берегах реки, то не смогут атаковать в лоб наши оборонительные порядки и крепостную стену. А вот на средство переправы, на котором мы попробуем сбежать, они непременно нападут.

– Значит, переговоры? – предлагает отпетый пацифист Пифагор, для него главное – избежать противостояния.

– А может, внезапный удар? – гнет свое черная Эсмеральда, и ее желтые глаза сияют.

– Да, убьем их всех! – воодушевляется Анжело.

Я выслушиваю все предложения. Не сочтя ни одно разумным, я снова беру слово:

– Чем дольше размышляю, тем привлекательнее мне кажется наименее опасный план: ночная вылазка с целью привести подкрепление. Свежие силы ударили бы по нашим противникам с тыла.

Сначала все молчат, потом принимаются друг друга пере-

крикивать. По-моему, все присутствующие кошки признают обоснованность моего плана при всей сложности его претворения в жизнь.

Я выдвинула это предложение, поскольку знаю, что бездействие пойдет нам во вред. Сейчас самое главное – не сидеть без дела. Так я всегда действую при серьезных кризисах: важнее всего – сохранить инициативу, не отдавать стратегическое преимущество противнику, а тем более моим союзникам.

Правда, у нас, кошек, есть слабая сторона – органически присущая нам независимость. Мы не любим подчиняться, не любим начальство, не признаем иерархию. Каждая кошка считает себя самой лучшей, а всех остальных ни во что не ставит. В таких условиях трудно установить дисциплину. Поэтому я иду ва-банк:

– Устроим ночную вылазку! Уверена, все получится.

Остальные, менее самоуверенные, в конце концов принимают мое предложение.

В тот же вечер, в самый поздний час, шесть умеющих плавать кошек, отобранные лично мной по критерию умения действовать скрытно и ловко, следуют моим наставлениям: они приступают к выполнению задания. (Анжело среди них нет, мне пришлось поставить его на место. «Ты слишком юн и неопытен, – сказала ему я. – Ты заблуждаешься, воображая, что кош-кван-до спасет тебе жизнь. Лучше молчи, слушай мать и сиди тихо».)

При свете одних только звезд моя шестерка ныряет в воду и незаметно добирается до берега.

Пока все идет хорошо.

Я наблюдаю за их продвижением с башни собора Парижской Богоматери, потому что прекрасно вижу вдаль в темноте, а мои вибриссы не хуже придуманного людьми радара фиксируют все происходящее вокруг.

Группа движется по суше, часовые во вражеском лагере ничего не замечают.

Уф!

Задача нашей шестерки – обойти спящих крыс и проникнуть за кольцо окружения. Тишина на берегу вселяет в меня уверенность.

На моем наблюдательном пункте появляется Пифагор.

– Первая часть задания выполнена. Теперь они должны найти подкрепление достаточной численности и успеть привести на помощь нам.

Как всегда в подобных ситуациях, я закидываю одну лапу себе на шею и вылизываю живот – так легче расслабиться. Пифагор, понимая мое волнение, готов почесать мне спинку, заодно удаляя блох. Я всегда отдавала должное услужливым котам, предвосхищающим желания своих кошек.

Тактичность Пифагора действует на меня возбуждающее, и я предлагаю ему незамедлительно мной овладеть. Его не надо просить дважды: я уже чувствую внутри себя его шипастый член. (Однажды Пифагор объяснил мне, что коша-

чий член устроен таким образом, чтобы удалять сперму, оставшуюся от кота-предшественника, и повысить шансы оплодотворения своими, а не чужими сперматозоидами.)

Сначала мне больно, потом очень больно, но в конце концов становится приятно. При занятии любовью я чувствую свои внутренности, партнер пробуждает мою утробу (ни один самец, даже из людей, никогда не поймет этого сугубо кошачьего ощущения).

Достигнув вершин экстаза, я мяукаю так громко, как только позволяют голосовые связки, звук соответствует си-бемоль (Пифагор как-то раз указал мне на то, что при оргазме я всегда ору эту ноту).

– Прекрати! – просит Пифагор.

– Нет, продолжай.

– Прекрати так громко мяукать! Ты перебудишь всех крыс.

Об этом я как-то не подумала.

Устыдившись собственной нескромности, я отсоединяюсь от своего кота и бью его лапой по морде, давая понять, что если с отважной шестеркой что-то случится, то виноват будет он.

Я прошу его оставить меня в покое, возвращаюсь в свою комнату и вижу, что служанка уже уснула. Забравшись к ней на живот, я принимаюсь его месить, то выпуская, то втягивая когти, чтобы успокоиться.

Она открывает глаза, принимает мое поведение за прояв-

ление симпатии и начинает меня гладить.

Знала бы она, что я просто расслабляюсь, что это она служит мне плюшевой игрушкой...

Я урчу на частоте 25 герц.

– Бастет?.. – бормочет она (это единственное человеческое слово, которое я понимаю).

Измотанная чередованием отрицательных и положительных эмоций, я решаю уснуть.

Но спокойствие хрупко. Очень скоро я снова начинаю волноваться из-за положения, в которое мы попали.

Лишь бы получилось! Лишь бы шести разведчикам, выбравшимся за бурое крысиное кольцо, удалось вовремя привести подкрепление, которое прорвет окружение.

16. Осада Алезии

В I веке до нашей эры консул Юлий Цезарь, стремившийся одолеть своего соперника Помпея и стать единственным властителем Рима, решил произвести впечатление на римлян яркой военной победой.

В 58 году до нашей эры на деньги своей матери он снарядил армию и повел ее «умиротворять» Галлию (с которой Рим до тех пор сохранял добрые отношения).

Помпей предупредил галлов, что эту войну с ними ведет отдельный человек, а не вся Римская республика, потому что сенат не одобрил агрессивное вторжение Цезаря, однако галлы не смогли остановить его надвигавшуюся с юго-востока армию.

Умелый дипломат Цезарь воспользовался внутренними распрями галлов, чтобы натравить их друг на друга. Как отличный стратег он одерживал одну победу за другой. Его армия захватила всю Галлию, достигла Британских островов, перешла Рейн и вторглась в Германию.

Однако в 52 году до нашей эры вождь племени арвернов Верцингеториг собрал галльскую армию и повел ее на римских захватчиков. Он разбил армию Юлия Цезаря, осаждавшую укрепленный лагерь при Герговии.

Вдохновленный первой победой, Верцингеториг бросал вызов римлянам еще в нескольких сражениях. Но удержать

преимущество молодому галльскому полководцу не удалось. В конце концов ему пришлось бежать и укрыться с 80 тысячами человек в укрепленном лагере Алезия (нынешняя Бургундия-Франш-Конте).

Юлий Цезарь располагал 70-тысячной армией легионеров. Ввиду численного превосходства противника он решил не атаковать, а устроить осаду с применением новшеств: окружил Алезию защитным кольцом длиной 35 километров. Оно представляло собой ров шириной и глубиной четыре с половиной метра, позади рва стояла стена высотой три с половиной метра, поверх стены был воздвигнут частокол. Через каждые 25 метров стояла башня с лучниками.

Перед рвом торчали колья с железными наконечниками, перед самими кольями вырыли метровые конические ямы с замаскированными ветками кольями поменьше – ловушки для лошадей. Этого Цезарю показалось мало, и он протянул вторую линию защиты. Первая должна была помешать Верцингеторигу вырваться из крепости, вторая – подтянуть подкрепление.

Осада длилась несколько месяцев. Когда стало не хватать продовольствия, осажденные попытались вывести из лагеря женщин, стариков и детей. Однако Цезарь не пропустил их и заморил голодом между двумя своими линиями защиты.

Галльское подкрепление подошло в сентябре. Оно насчитывало 250 тысяч воинов под командованием Веркассивеллуна, двоюродного брата Верцингеторига. После двух неудач-

ных попыток прорыва Веркассивелаун устроил 26 сентября (в лунное затмение) ночную конную атаку. Галлы были уже близки к победе, но Цезарь все же взял верх, ударив атакующим в тыл. Так, несмотря на подавляющее численное преимущество галлов, римляне одержали победу.

На следующий день Верцингеториг сдался и взмолился о пощаде для своих выживших воинов. Плененные галлы были обращены в рабство и отданы участвовавшим в сражении legionарам.

Верцингеторига пригнали в Рим прикованным к колеснице и показали при триумфе его худшего врага. Вскоре после этого его удавили в темнице.

Однако одним из главных успехов Цезаря, кроме собственно военной победы, стали его записки «Галльская война», где говорилось и об этом сражении. Римляне, читая о приключениях в варварских краях, восхищались повествованием и его кульминацией – осадой Алезии.

«Галльская война» осталась в веках единственным описанием произошедшего. У галлов своих историков не было, поэтому у нас имеется одна версия – та, которую предложил Цезарь, выставивший себя героем, представителем цивилизованного общества, боровшегося против варварства.

*Энциклопедия относительного и абсолютного знания.
Том XII*

17. Оригинальное решение

Этой ночью мне грезится, будто я занимаюсь любовью с крысиным царем собственной персоной – с самим белым красноглазым Тамерланом.

Во сне я легко его соблазняю, демонстрируя собственный зад.

Я подманиваю его, ложусь, он запрыгивает на меня. Велико же мое изумление, когда член у него оказывается больше, чем даже у Пифагора.

В конце он мне говорит:

– Мы с тобой могли бы властвовать над миром. Лучше объединиться, чем воевать.

Я снова принимаю подобострастную позу, готовая предложить себя. Происходит вторая в истории крысино-кошачья случка.

После повторного совокупления изнуренный грызун засыпает. Тогда я вскрываю самым острым своим когтем его череп и пожираю еще трепещущий мозг. Пережевывая, говорю:

– Вами, самцами, что котами, что крысами, легче легкого крутить. Нам, самкам, ничего не стоит заморочить вам голову при помощи секса.

Доев его мозги, я наливаю в опустевшую черепную коробку молоко и вкушаю белый напиток из сосуда в чехле из бе-

лой шерсти – стильно, ничего не скажешь.

Меня будит громкий колокольный звон. Я взлетаю на свою горгулью и озираю окрестности в поисках причины поднятой тревоги.

Вот оно что!

Вижу в оранжевом свете зари шестерку наших разведчиков. Их подвесили за передние лапы на перекладины двух Т-образных шестов. Все страшно искусаны, но еще подергиваются от предсмертных спазмов.

Нет, только не это!

По моему хребту пробегает гадкий холодок.

Меня терзает сразу несколько мыслей. Во-первых, неудача отряда означает, что подкрепления ждать нечего и что нам грозит голод. Есть и другое соображение – мелочь, конечно, но не для меня, – эту провальную вылазку предложила я, а значит, я уже не буду пользоваться прежним доверием.

Спустившись на папёрть перед собором, я предлагаю немедленно устроить совещание. Сам по себе составляется, пользуясь выражением Пифагора, «кризисный кабинет» – ограниченное совещание главных умников.

Решено заседать за большим столом в глубине собора – в алтаре, как пояснил Пифагор. В общей сложности нас дюжина, и это самые умные и самые доблестные кошки.

Пока никто не взял слова, я спешу закрепить свой авторитет, открыв дебаты.

– Вариантов было два. Первый – предпринять вылазку и привести подкрепление. Он был испробован и привел к совершенно неудовлетворительному результату. Второй – ничего не предпринимать, но в этом случае мы рискуем передохнуть с голоду. Скажи, Вольфганг, сколько времени мы продержимся?

– Я? Почему ты обращаешься ко мне? – пугается пепельно-серый кот.

– Потому что знаю: еда – средоточие твоих интересов. Ну, что скажешь?

– Без рыбы, на одних запасах? Не дольше месяца. Кстати, на носу зима, а в холода приходится больше есть.

Чувствую, остальные одиннадцать нервничают. Эсмеральда задирает лапу – просит слова.

– Давайте нападём на плотину выше по течению.

– Как ты это себе представляешь?

– Попросим наших слуг-людей ее подпалить. Она же деревянная, а значит, загорится быстро.

– Деревянная-то деревянная, но мокрая, а мокрая древесина горит плохо, – напоминает Пифагор.

– А мы на нее – бензинчиком! – внезапно осеняет Эсмеральду. – Мы убедились, как хорошо это срабатывает, когда отбили нападение на Лебединый остров.

– Бензин кончился, – замечает Вольфганг.

– Перебьем их всех! – мяукает Анжело, самовольно прокравшийся на совещание.

– Простите его, – прошу я. – Молодость есть молодость.

– Возможно, у меня есть решение, – объявляет сиямец после недолгого раздумья.

Обожаю эту фразу!

– Только учтите, это будет нелегко. Перед тем как идти сюда, я как раз изучал при помощи своего «третьего глаза» сходные ситуации в человеческой истории. Среди самых знаменитых выделяется осада Трои греками, Алезии римлянами, Константинополя турками, еврейской крепости Массанда теми же римлянами, Вены татаро-монголами... Короче, я воздержусь от полного перечня, лучше сразу укажу на привлекавший мое внимание казус.

Меня нервирует его тон всезнайки, уверенного, что вокруг одни невежды.

– Речь об осаде Парижа прусскими войсками в 1870 году.

Присутствующие не понимают, о чем он толкует, ведь они ничего не знают об истории людей. Я не образованнее их, но делаю вид, что это не так.

– Расскажи им, – прошу я.

Пифагор приосанивается, как профессор перед аудиторией.

– Так вот, – начинает он, – в 1870 году после войны французов с пруссаками, то есть с немцами, те вторглись в страну через восточную границу и в конце концов окружили и осадили столицу – Париж.

– Это происходило прямо здесь, – позволяю себе уточне-

ние я.

– Именно. Причем я говорю обо всем Париже, а не только об этом острове. Осажденные ломали голову, как бы им наладить связь с внешним миром и вызвать подкрепление. В конце концов способ нашелся: бежать не по суше, а по... воздуху.

– Как птицы? – изумляется Эсмеральда.

– Совершенно верно, как птицы. Таким способом их предводитель, Леон Гамбетта, умудрился покинуть Париж, опуститься за вражескими боевыми порядками и сколотить армию сопротивления.

– Как же так? – не понимает изумленный Вольфганг.

– Благодаря монгольфьеру.

– Чему-чему? – переспрашивает Эсмеральда.

– Это волшебное изобретение, позволяющее летать тем, кто родился бескрылым.

Пифагор чешет в голове, как будто у него зудит «третий глаз».

– Принцип действия такой: нагретый воздух поднимается вверх. Если надуть им шар, то он поднимет в воздух людей и предметы в привязанной снизу гондоле.

Порой мне кажется, что сиамец несет всякий вздор с целью произвести благоприятное впечатление на меня. Но в данном случае он приводит такие подробности, что я склонна ему верить. Тем не менее позволяю себе развить тему, чтобы остаться в центре внимания:

– Горячий воздух может потянуть вверх, что верно, то верно. Этот твой монгольфьер – он какой?

– Пустая оболочка, большая, как дом. Надутая горячим воздухом, она поднимает в небо гондолу – это такая плетеная корзина.

– Выше крыш? – мечтательно спрашивает Эсмеральда.

– Выше облаков! А всё современные технологии людей.

– Ты хочешь сделать такой... монгольфьер?

– Не я, здесь нужны руки. Нашим слугам-людям это под силу. Я уже знаю, к какому интернет-сайту обратиться: www.fabriquerunemongolfiereen10leÇons.com

Я киваю в знак согласия.

– По-моему, это лучшее предложение из всех, что звучали до сих пор. Что до строительства нашего монгольфьера, то ты, Пифагор, поручи это моей служанке Натали, только и всего. Она – бывший архитектор и сможет управлять процессом и координировать усилия своих соплеменников.

– Предположим, нам удастся попасть за расположение вражеских порядков. Дальше-то что? – спрашивает Эсмеральда, у которой еще сохраняются сомнения.

– Дальше мы приведем подкрепление, оно прорвет кольцо осады. Вместе мы одержим верх над крысами.

Дело сделано, я снова обрела свой авторитет, вызывающий уважение окружающих.

Я завершаю совещание кризисного кабинета решительным мяуканьем, означающим: «Не будем терять время, всем

приниматься за дело!»

Пифагор передает приказ Натали, и та организывает работы во дворе собора Парижской Богоматери.

Люди забирают из больницы полсотни простынь, режут их на длинные полосы и сшивают вместе. Получается нечто вроде тюльпана лепестками вниз. Дальше в ход идет вязкий воск, уплотняющий ткань. В пластмассовой ванне проделывают дыры, через которые продевают канаты – на них эта гондола повиснет. Противоположные концы канатов крепятся к оболочке шара.

Сердцем всей конструкции служит газовый баллон с трубкой, продолженной газовой горелкой, – все это найдено в гараже префектуры полиции. Нашлось применение и рассеивателю душа. Получилось то, что Пифагор величает пушкой.

Три дня напряженных усилий – и монгольфьер готов к взлету.

Мы – совет из двенадцати кошек, управляющий островом Сите, – собираемся снова, чтобы дать старт миссии, на которую возлагаем последние надежды.

– Кто полетит? – спрашивает Эсмеральда.

– Я! – вызывается Вольфганг.

– Я! – издает рык лев Ганнибал, явившийся к нашему алтарю из чистого любопытства.

Прибегнув к своему природному обаянию, я заставляю этих кошек умолкнуть, встав на задние лапы и изобразив негодование.

– Идеальная группа – один человек и две кошки. Человек станет перемещать предметы и управлять всей конструкцией, кошки – реально действовать. Я уже знаю, кто из людей полетит: Натали! Во-первых, мы с ней давно знакомы, во-вторых, она очень находчива. С ней полетит Пифагор, единственный обладатель «третьего глаза», умеющий с ней общаться.

– Кто будет второй кошкой? – спрашивает Эсмеральда.

– Я.

– Почему не я? – удивляется Ганнибал. – Где же толерантное отношение ко львам? Это напоминает расизм!

– Мне очень жаль, Ганнибал, но ты тяжеловат. И потом, ты вызываешь страх. А мы должны внушать уверенность, иначе потенциальные союзники не придут нам на выручку. Наконец, я пригожусь потому, что в критической ситуации нужен, полагаю, тот, кто способен быстро принимать правильные решения. Напомню без хвастовства, что все наши достижения в основном моя заслуга. Мое неучастие в том или ином предприятии обрекает его на провал, и это не случайность. Взять хотя бы эпизод с шестью распятыми кошками.

– Послать тех шестерых лазутчиков предложила как раз ты! – возражает Эсмеральда.

– Конечно. Но причина провала вылазки именно в том, что в ней не участвовала я. Если бы я была с ними, то пятеро остальных, скорее всего, остались бы в живых, – говорю я довольно резко, не скрывая присущего мне злорадства. –

Мое участие – залог успеха.

Между нами говоря, мне все равно, права я или нет, главное – настоять на своем. Обожаю врать, создавать впечатление, что я что-то говорила, хотя на самом деле это не так. Разве это дурно? На мой взгляд, злобредность – неотъемлемое свойство политика. Судя по тому немногому, что мне раскрыл Пифагор, люди, которым удается пролезть в среду почитаемого всеми начальства, – не самые умные, а как раз самые злобредные – совершив ошибку, они стараются распространять устами своих пропагандистов наиболее выгодную для них версию событий.

– Я не согласен с твоим решением, Бастет, – неловко возражает Вольфганг. – Да, мы за многое тебе признательны, но это еще не основание, чтобы ты участвовала во всех миссиях. Я тоже хочу! Всю жизнь мечтал стать птицей и полетать по небу.

Они начинают меня раздражать.

– Ваши мнения не имеют большого веса и не влияют на мое решение.

– Нас двенадцать, мы можем проголосовать, – угрожает Вольфганг.

– Правильные решения большинством голосов не принимаются. Максимум, чего можно так добиться, – шаткого консенсуса. Я предпочитаю свою систему – просвещенный диктат. Источник света – разумеется, я сама. Вы слушаете и повинуетесь, а в случае неудачи у вас есть виновница – я. И

наоборот, если я преуспею, это послужит еще одним доказательством моей правоты и близорукости моих хулителей.

Они таращатся на меня, немного ошалев, но ничего не могут противопоставить моей решимости. Чем напористей наглость, тем вернее ее торжество. Этим мазохистам подавай доминирующих самок, и я отменно играю эту роль. Слегка презрительный тон – надежный способ напомнить им об их собственной посредственности.

Я понимаю, что дебаты недопустимы.

– С Пифагором и Натали лечу я, и точка, – заявляю я не терпящим возражений тоном.

Знаю, дерзость – лучшее мое оружие: когда я им размахиваю, передо мной падает ниц весь мир. Слабаки всегда боятся конфликтовать, лень побуждает их повиноваться, а не противоречить. Так я намерена установить свою просвещенную диктатуру и привести нас всех к всеобщему счастью.

Я поочередно разглядываю каждого, настороженно подергивая ухом и усами и показывая клык – символ моей воли. Первым тушуетсЯ Ганнибал. Вольфганг опускает глаза. Эсмеральда возмущенно трясет головой.

И тут снова встречается Анжело:

– А мне можно?

– Для котенка это слишком опасно.

– Но я уже не котенок, ты же знаешь, мама!

– Да, прости, но ты еще молод и, полагаю, слишком горяч.

– Нет, я сильный, я умею рычать! Я хочу убивать крыс! Я

всех их перебыю!

И он издает слабое рычание. Это все, на что способно его юношеское горло. Я теряю интерес к его глупостям и снова обращаюсь к Совету двенадцати:

– Есть еще возражения?

Ни один не смеет мне противоречить. Пока никто не передумал, я заключаю:

– Рада, что мы снова все вместе делаем наилучший выбор, руководствуясь общими интересами. Теперь поспешим и приступим к последним приготовлениям для успеха миссии, от которой зависит жизнь всех укрывшихся на острове Сите.

Какая же я молодец – в который раз!

Будь у них руки, они бы мне заплодировали.

18. История монгольфьеров

Человек всегда мечтал летать, как птица. Первый шаг в осуществлении этой мечты был сделан в 1793 году братьями Монгольфье.

Их отец, Пьер Монгольфье, был богатым владельцем фабрики по производству бумаги в Анноне, недалеко от Сент-Этьена, у него было 16 детей.

Двенадцатый, Жозеф, плохо учился, был неусидчивым и непослушным, зато обожал наблюдать за природой и заниматься физическими опытами. Жозеф оказал сильное влияние на младшего брата Этьена, пятнадцатого ребенка в семье, тоже больше интересовавшегося наукой, чем школьными предметами.

Однажды, бросив листок бумаги в огонь камина, Жозеф заметил, что он поднимается вверх, и поделился своим наблюдением с Этьеном. Вместе они проделали несколько опытов на основе этого открытия.

На глазах у жителей города они вскоре подняли над землей бумажный куб со стороной в один метр под воздействием воздуха, подогретого при сжигании шерсти и соломы. Куб взлетел на высоту 30 метров.

Король Людовик XVI, тоже любитель наук, прослышал о братьях и пожелал лично увидеть их опыты. 19 сентября 1783 года братья Монгольфье выступили в Версале перед

королем и придворными. По этому случаю они смастерили подбитый бумагой шар объемом 1000 кубических метров, высотой в 24 метра, с четырьмя мачтами. Другим новшеством стало то, что в ивовую гондолу посадили пассажиров: овцу, петуха и утку. Шар поднялся на 500 метров и преодолел за 8 минут три с половиной километра. Живность при приземлении не пострадала (не считая сломанного клюва у петуха: при ударе корзины о землю на него села овца). Король поддержал желание братьев Монгольфье перейти к следующему этапу: устроить полет с участием людей. Сначала собирались посадить в гондолу приговоренных к смерти заключенных (в случае неудачи потеря была бы невелика), но против этого восстал молодой искатель приключений Жан-Франсуа Пилатр де Розье, пожелавший непременно стать первым летающим человеком. В результате придворных интриг ему разрешили совершить исторический полет на воздушном шаре.

Первые эксперименты прошли в октябре 1783 года в Париже, в Сент-Антуанском предместье. Сначала монгольфьер оставался привязан канатом. Потом, 21 ноября 1783 года, Пилатр де Розье вместе с маркизом д'Арландом отправился в полностью автономный полет: монгольфьер стартовал неподалеку от замка Шато-де-ля-Мюэтт на западе Парижа и поднялся на высоту одного километра, после чего был отнесен на юго-запад, в квартал Бют-о-Кай. Экипажу пришлось спуститься, когда бумажный шар загорелся от угольной пы-

ли. В тот день преодоленное за 25 минут расстояние составило 9 километров.

Два брата Монгольфье получили в награду титулы шевалье и сделали своим девизом слова: «Мы доберемся до звезд».

*Энциклопедия относительного и абсолютного знания.
Том XII*

19. Взлет

Моя мать твердила: «Когда у тебя есть выбор идти или не идти, всегда выбирай первое. В худшем случае узнаешь, почему ходить не следовало».

Вот я и «иду».

Погода как будто неплохая.

Мы все собрались во дворе префектуры полиции на острове Сите.

Это высокое здание позволяет нам оставаться невидимыми с противоположного берега (как выяснилось, крысы-наблюдатели сидят на верхушках деревьев и следят за всем происходящим у нас).

Мы с Пифагором забираемся в пластмассовую ванну, превращенную в гондолу. Натали поставила туда три креслица: одно для газового баллона, одно для себя и одно для нас, кошек, чтобы нам было видно, что происходит за бортом. Гондолу обвешали мешками с песком: это балласт, который придется сбросить при необходимости быстро набрать высоту.

Вместо еды моя служанка взяла с собой целый рюкзак инструментов, от ножа до молотка, включая бинокль и компас. Люди поднимают мембрану шара, чтобы она не воспламенилась, Натали зажигает горелки. Из них вырывается желтое пламя.

Мешок наполняется горячим воздухом и расширяется,

ткань приподнимается. Медленно округляется огромный шар монгольфьера. Я чувствую, как гондолу тянет вверх. Из осторожности мы привязали наши веревки к колышкам в земле. Шар полностью надувается, веревки натягиваются. Ванна дрожит и поднимается, теперь ее держат только веревки.

Остальные, кошки и люди, смотрят на нас с огромным любопытством. Анжело карабкается на плечо к Патриции, Вольфганг и Эсмеральда – на дерево.

– Убей побольше крыс! – напутствует меня сын.

– Для меня важнее вернуться с подкреплением и с провизией.

– Не бросайте нас: без вас нам конец! – умоляет Вольфганг.

– Ты, главное, не волнуйся, мама, если ты умрешь, тебя заменю я, – заключает Анжело.

Пора расстаться с этим сборищем пораженцев, поэтому я подаю сигнал об отлете.

Пифагор переводит мое пожелание Натали, та рубит веревки, и монгольфьер тут же взмывает ввысь.

Вижу, что шаманка, провожающая монгольфьер, сильно взволнована, но человеческие эмоции трудно расшифровать, ведь люди не задирают хвост, не напрягают уши, маскируют свои запахи одеждой. Они стараются быть загадочными, скрывая свои истинные чувства.

Уверена, даже в своем кругу они плохо понимают, кто что

чувствует.

Я лезу на плечо к моей служанке, чтобы все рассмотреть с самого удобного наблюдательного поста. Пифагор опасается головокружения, поэтому, наоборот, забивается под кресло.

Он страдает головокружением? Странно, заниматься любовью на горгулье собора Парижской Богоматери он не боится. Я делаю вывод, что ему страшно оказаться высоко в небе без связи с землей.

Даже я несовершенна. Как вы знаете, у меня свои фобии: я боюсь воды, насмешек, любой грязи. Но пустоты точно не боюсь.

Мы очень быстро поднимаемся. Через считанные секунды пролетаем над собором Парижской Богоматери. В этот момент нескольким людям приходит удачная мысль ударить в колокола, чтобы нас поприветствовать. Даже если сейчас нас видят крысы-наблюдатели, они никак не могут помешать нашему побегу.

Мы поднимаемся все выше, остров Сите все больше напоминает серый миндальный орех в обрамлении зеленой искрящейся воды.

Пожалуй, сверху наш Рай смахивает еще и на человеческий глаз.

– Ни одна кошка еще не поднималась на такую высоту! – радуюсь я.

Со дна ванны меня окатывает холодным душем. Я слышу уточнение Пифагора:

– Еще как поднималась! Вспомни, в 1963 году люди запустили ракету с кошкой Фелисетт.

– Да, но ты сам говорил, что она не могла выглядывать наружу. Не то, что мы!

То есть не то, что я!

Горизонт раскидывается во всю ширь, и я уже вижу темные крысиные орды на берегах реки и две их плотины. Крыс, оказывается, еще больше, чем я думала раньше.

Подъем продолжается.

Желая произвести впечатление на трусишку Пифагора, я растягиваюсь на бортике ванны, вцепившись для равновесия когтями в веревки. Какой потрясающий вид! Какой сообразительный вид эти люди, надо же было придумать такую летучую штукину.

Мне греют голову потоки горячего воздуха сверху, но лапы мерзнут, и тем сильнее, чем выше мы взлетаем. Выходит, в небе холодно!

Меня гладит Натали. Умница, она славно поработала.

Если я когда-нибудь смогу с ней поболтать, обязательно надо будет выразить ей благодарность.

Я прыгаю ей на плечо, она продолжает меня гладить, я мяукаю ей на ухо: «Продолжай!»

Она отвечает на своем языке. Как водится, я различаю в ее речи единственное слово – «Бастет», мое имя.

Наверное, она хвалит меня за то, что я такая хорошая хозяйка: не всем людям так везет с хозяйками-кошками, как

ей со мной.

Известно, что некоторые кошки учат своих слуг-людей, используя когти и оставляя на их руках царапины.

И тут Натали – не иначе, от нервов – закуривает сигарету. Терпеть не могу сигаретный дым, эта ядовитая гадость застревает у меня в шерсти, и, когда я себя вылизываю, ее остатки щиплют язык.

Я не могу высказать все это Натали, поэтому остается одно: отодвинуться, перейдя на противоположный бортик ванны.

По мере подъема мы видим все более далекие места.

– Куда мы направляемся? – обращаюсь я с вопросом к Пифагору, все еще прижимающемуся к дну ванны.

– Мы летим на монгольфьере, а не на дирижабле, он поднимается и опускается – это единственный способ им управлять.

Наверное, он шутит? Лучшие бы шутил!

– Значит, мы не можем выбирать, куда лететь? И ты только сейчас говоришь мне об этом?

– Да. Извини, надо было раньше тебя предупредить.

Несомненно! Если бы я знала, ни за что не полетела бы!

– Как же мы обогнем крысиные порядки?

– Подождем, пока потоки воздуха понесут нас в нужную сторону. Проблема в том, что мы не знаем, в какие потоки попадем и когда подует тот или иной ветер. Зато мы можем обнаруживать потоки и в них встраиваться.

– Как это?

– Наблюдая за движением облаков, пыли и птиц. Короче говоря, за всем, что движется на одной с нами высоте.

– Ты это умеешь?

– Нет, вся надежда на Натали. Идеально было бы лететь на север, потому что юг полчище бурых врагов уже захватило. На севере мы можем найти тех, кто согласится воевать на нашей стороне.

Как я погляжу, воздух действительно движется, и при этом сгущаются облака. Мы влетаем в густую влажную массу и вязнем в ней, теряя всякие зрительные ориентиры. Совершенно непонятно, где мы находимся, на какой высоте.

В этой облачной вате мы проводим несколько нескончаемых минут. Когда пелена, наконец, рассеивается, нас встречает нечто новое – бескрайний лес внизу. Меня, уроженку города, привыкшую жить среди человеческих домов, вся эта растительность тревожит. Кругом простирается зелень, деревья, трава; ни тебе тротуаров, ни машин, ни зданий, ни бликов света... Прощайте, серость и чернота, привет вам, все оттенки зеленого, оранжевого и красного, благо что в разгаре осень.

Ветер крепчает, наша гондола раскачивается, Натали не удерживается на ногах и падает в кресло, слегка придавив сиамба, – тот жалобно мяукает.

Одна я сохраняю равновесие и спокойствие на бортике ванной, озирая с высоты пейзаж. Ветер дергает меня за усы,

гоняет волны шерсти на спине. Этот почти птичий полет не просто удовольствие, а полный восторг!

Натали свешивает голову с растрепанными волосами за борт, ее рвет. По мне, лучшего момента, чтобы начать диалог, не придумаешь.

– Хочу пообщаться со своей служанкой, – обращаюсь я к Пифагору. – Переведешь?

Сиамец кивает со дна ванны в знак готовности.

– Скажи ей, я довольна тем, что ей хватило храбрости отправиться с нами обоими в эту экспедицию.

Он мяукает, она что-то отвечает на своем человеческом языке. Пифагор переводит:

– Она считает тебя потрясающей кошкой.

– Поблагодари ее. Скажи, пусть не беспокоится. Так или иначе, на всей планете будем царствовать мы, кошки, перехватив эстафету у рухнувшей человеческой цивилизации.

– По ее мнению, «мы, кошки» не можем понести дальше факел цивилизации, потому что нам недостает осознания трех важнейших понятий:

- 1) ЛЮБВИ,
- 2) ЮМОРА,
- 3) ИСКУССТВА.

Поразмыслив, я отвечаю:

– Взять любовь: любить я умею. По-моему, я занимаюсь любовью чаще и лучше, чем она.

– Нет, та любовь, о которой толкует она, – это не спари-

вание. Это нечто, в чем, по ее формуле, задействованы чувства.

– Все наоборот: это мы занимаемся любовью с чувством, а у них это чисто животный акт размножения!

– Она категорически не согласна. На мой взгляд, вы с ней подразумеваете под чувствами разные вещи. Она имеет в виду нечто очень тонкое, но мощное.

Кем она себя возомнила?! Как она смеет учить меня тому, что такое настоящая любовь? Никогда не устану удивляться чванству и самомнению людей! Несмотря на Крах, они продолжают ставить себя выше всех остальных.

Пифагор продолжает:

– Она говорит, что в человеческой любви, Любви с большой буквы, ты чувствуешь то, что чувствует другой, как будто ты – это он. В этой любви есть доля сострадания: разделяя чувства друг друга, легче друг друга понимать.

Странная дискуссия на большой высоте! Но, невзирая на высоту и на трату времени в ожидании перевода, я не склонна ее сворачивать.

– Теперь о юморе. Кажется, я что-то слышала об этом человеческом понятии. Лучше, если она напомним, что это такое.

– Она говорит, это трудно объяснить. Это такая форма душевной неуравновешенности, снижающая напряжение. В мозгу происходит нечто, несущее облегчение, это сопровождается прерывистым дыханием. Это тоже сугубо челове-

ское проявление, называется «смех».

Я пытаюсь вспомнить, не смеялась ли сама раньше, не зная, как это называется. Оба мои попутчика плохо переносят качку, одной мне хоть бы что. Желая их подбодрить, я продолжаю:

– С искусством я знакома: это кулинария и музыка. Люблю Каллас, Вивальди, Баха и черную икру. Уже неплохо?

– По словам Натали, когда ты познаешь искусство настоящего, то испытываешь настоящий экстаз. Это будет не просто удовольствие, а откровение, ты о таком еще не подозреваешь.

– Конечно, состояние художественного экстаза я еще не познала...

– Натали считает, это потому, что ты еще не нашла такое искусство, от которого затрепещет твоя душа. Ничего, не все исчерпывается музыкой и гастрономией: есть еще живопись, скульптура, танец, мало ли что еще: парфюмерия, мода, садоводство... Она надеется, что рано или поздно ты это почувствуешь. Раз ты хочешь создать кошачью цивилизацию, которая продолжит человеческую, тебе непременно нужно будет впитать силу искусства. Биологический вид доминирует не только силой и разумом, но и благодаря способности расширить свои границы и сотворить красоту.

Тут Натали включает на смартфоне музыку.

– Кажется, ты – ценительница «Токкаты» Баха. Я попросил ее включить для тебя еще что-нибудь того же компози-

тора, и она сделала удачный выбор: звучит сюита «Воздух».

Всякий раз, услышав человеческую музыку, я сначала воспринимаю ее как шум, но в конце концов начинаю различать музыкальные фразы, улавливаю повторяющиеся темы и развитие, звуковую историю.

«Воздух» Иоганна Себастьяна Баха – это красиво. Кажется, я никогда не забуду это мгновение с моей служанкой и с моим котом: как мы летим над миром, слушая чудесную музыку.

Я глубоко вдыхаю свежий воздух высоты и люблюсь бескрайней панорамой внизу. У меня такое чувство, что я – чистый дух, всевидящий и способный на все.

Натали хочет начать снижение, она поворачивает рукоятку подачи газа, уменьшая огонь. Мы постепенно теряем высоту. По мере снижения в мои трепещущие ноздри все сильнее вливаются запахи травы, земли, цветов. Это прекрасно, это хорошо сочетается с «Воздухом» Баха.

Зрелище бескрайних лесных чащ и красочных равнин позволяет понять, что даже Булонский и Венсенский леса, знакомые мне по прежним прогулкам, – это лишь мелкие городские перелески, а подлинная природа – это то, что я вижу сейчас: бесконечный зеленый горизонт без всяких строений.

Натали стабилизирует высоту полета. Боковой ветер несет нас с приличной скоростью. Моя служанка пытается воспользоваться GPS и компасом, чтобы определить наше местоположение.

Свесив вниз голову, я вижу летящую под нашей ванной-гондолой землю.

У нас гость – черно-серый голубь. Он садится на бортик гондолы и смотрит на нас, вертя головой: глаза у него расположены по разные стороны головы, поэтому ему приходится смотреть либо правым, либо левым глазом, сразу двумя – никак.

Голубь усиленно воркует, словно желает сообщить что-то важное. Я предлагаю ему бессловесный контакт.

Здравствуй, голубь. Рада встрече с тобой в твоей воздушной стихии. Мы здесь временно.

Воркование птицы становится громче, интонация – агрессивнее, голова ходит вперед-назад. Мне кажется, что он мне отвечает что-то вроде:

Что делают на нашей воздушной территории кошки и люди? Вам здесь не место.

Я пытаюсь объяснить:

Извини за беспокойство, у нас не было выбора. Мы спасаемся от крыс.

Не похоже, чтобы голубь понимал мои телепатические послания. Его горло вибрирует с нарастающей враждебностью, он крутит головой, бьет крыльями. Зоб надувается и сдувается – это признак гнева.

Вскоре на бортик ванны садятся другие голуби, хором воркующие в том же агрессивном тоне.

Натали эти гости совсем не радуют. Я лишний раз убеж-

даюсь, что межвидовой контакт пока еще оставляет желать лучшего. Голубь, пролетающий над нами, роняет в волосы Натали липкий зеленый помет.

Попытка химической коммуникации?

Неважно. Мне не нравятся нечистоты в небогатом волосяном покрове моей служанки. Животный рефлекс заставляет меня зацепить когтями правой лапы перья ближайшего ко мне голубя. И не только перья. Птица лопается, как шарик, оставив после себя облачко окровавленного пуха.

Остальные тут же взлетают и, пользуясь своей способностью перемещаться по воздуху, вертятся вокруг меня, надеясь заклевать своими острыми клювиками. Стремительно действуя одной правой лапой, я убиваю еще троих. Остальные обстреливают меня зловонным пометом.

Какими же надо быть извращенцами, чтобы использовать помет в качестве оружия?

Уцелевшие голуби носятся рядом с гондолой. Мне понятна их стратегия: заставить меня сильно свеситься и свалиться вниз. Но мне помогает мое несравненное чувство равновесия. Убиваю еще парочку голубей, неосторожно приблизившихся к моей когтистой лапе.

– Прошу отведать, птица на обед!

Пифагор, перебравшийся в мое кресло, не разделяет моего энтузиазма. Знаком он предлагает мне посмотреть вверх, и я вижу, как один из проклятых голубей цепляется за оболочку шара, как дятел – за кору дерева.

Только не это!

Но голубь, не откликаясь на мою мольбу, со всей силы ударяет клювом в тугую ткань. Раздается резкий свист, из шара вырывается мутная струя горячего воздуха. К первому пернатому вредителю присоединяется еще дюжина, спешащая наделать побольше дыр в оболочке нашего монгольфьера.

Я мяукаю во всю глотку, надеясь распугать птиц. Но они слишком увлеклись. Некоторые отлетают, не сумев пробить оболочку, но большая часть добивается цели. Потом по сигналу самого жирного голубя все начинают долбить в одно место, чтобы расширить дыру.

Испуганная Натали усиливает пламя, но уже невозможно что-либо изменить. Мы быстро теряем высоту.

Моя служанка выбрасывает из гондолы кресла, чтобы ее облегчить, потом избавляется вообще от всего, вплоть до газовых баллонов. Тем не менее наше падение ускоряется с каждой секундой, я вижу, как нам навстречу под торжествующий писк победителей-птиц несется земля.

Мы падаем.

Что ж, небо – это не для кошек.

Я предпочитаю выпрыгнуть из гондолы. Знаю, что успех моего приземления зависит от количества кувырков, четного или нечетного. Я немного планирую, потом начинаю считать: 1, 2...

Только бы вышло нечетное число!

20. Почему кошки всегда приземляются на лапы?

При падении со значительной высоты кошки успевают за долю секунды инстинктивно раскинуть лапы как можно шире.

Так возникает широкая несущая поверхность, замедляющая скорость падения так, что она не превышает 100 километров в час, примерно как у летучих белок.

Падать правильно помогают ноги, а хвост помогает принять оптимальное положение. Внутреннее ухо сообщает во время падения о траектории снижения, что тоже способствует удачному приземлению. Вибриссы непрерывно информируют о расстоянии до земли.

Под конец изгибается позвоночник, чтобы таз оказался на одной линии с головой. Это называется инстинктом уравнивания.

Перед самым контактом с землей кошки вытягивают лапы для гармоничного распределения удара между всеми членами. Хвост направлен в противоположную сторону, служа противовесом.

Непосредственно при ударе лапы сгибаются для компенсации сотрясения.

Благодаря всему этому кошки избегают повреждений при падении с большой высоты, в отличие от других млекопита-

ющих, у которых ломаются кости.

*Энциклопедия относительного и абсолютного знания.
Том XII*

21. В мире ветвей

...5.

Поза неудачная, но амортизатором служит листва дерева, на которое я падаю. Путаясь в оранжевых листьях, колочу по ним лапами, потом обретаю равновесие на толстой ветке – и встаю, избежав царапин, во всей красе своего достоинства.

Вот он, точный расчет!

Пифагор падает неуклюже, но тоже цепляется за гибкие ветви.

Стоит мне проследить его падение, как сверху на нас обрушивается пластмассовая ванна, служившая гондолой, затем моя служанка и оболочка монгольфьера, накрывающая нас троих.

Я спешу на голос Натали: при всем своем эгоизме я забочусь о том, чтобы служанка не утратила способности действовать.

Она сбрасывает с себя дырявую оболочку.

Волосы у нее всклокочены, на коже несколько ссадин, но, насколько я понимаю, почти сдувшийся шар замедлил падение. Мы втроем застряли в кроне дерева и сидим теперь в ванне, однако она опасно раскачивается, и мы едва из нее не выпадаем, когда она вдруг летит вниз и в последний миг повисает на веревках, зацепившихся за ветки.

Натали ползет к земле по стволу дерева. Ванна перевора-

чивается: в отличие от нас с Пифагором, легоньких и гибких четвероногих, Натали слишком тяжелая, вот и перевернула ванну.

Возясь в листе, я вижу вдруг два покрытых шерстью уха на крысиной головке.

Правда, шерстка у существа не серая, а рыжая, почти красная, а еще у него пушистый хвост.

Белка!

Наверное, она никогда не видела кошку, во всяком случае, падающую с неба, и потому не пугается и не проявляет враждебности. Я по привычке пытаюсь обратиться к ней с добродушным безмолвным приветствием:

Здравствуй, белка. Как поживаешь? Мы – твои незваные гости. Очень рада знакомству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.